

A stylized illustration of a city at night during a rainstorm. Tall buildings are silhouetted against a dark, teal-colored sky. Numerous vertical white lines represent falling rain. Several windows in the buildings are illuminated with a warm orange glow, creating a contrast with the cool tones of the rain and sky. The perspective is looking up at the buildings, which are slightly tilted.

Елена Терехова

Следствие ведёт БОРЩ

Елена Терехова

Следствие ведёт БОРИЩ

«Автор»

2024

Терехова Е.

Следствие ведёт БОРЩ / Е. Терехова — «Автор», 2024

Середина 80-х годов прошлого века. Небольшой шахтёрский городок встревожен убийством заведующей крупнейшего универмага "Силуэт" Эльвиры Нифонтовой. Женщина с непростым характером и железной волей многим была поперёк горла, но кто всё же решился свести с ней счёты? На это у милиции и троих закадычных подруг, прозванных в трудовом коллективе "БОРЩ", разные мнения. Кто же первым разгадает загадку - профессионалы или любительницы острых ощущений?

© Терехова Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1. "БОРЩ"	7
Глава 2. Ксюша	12
Глава 3. Королева Марго	18
Глава 4. Галина	21
Глава 5. Тревожное утро	26
Глава 6. Елена	31
Глава 7. Немец и Пелагея	36
Глава 8. Андрей	41
Глава 9. Универмаг "Силуэт"	44
Глава 10. Любаша	49
Глава 11. Оперштаб "Борща"	53

Елена Терехова

Следствие ведёт БОРЩ

Пролог

... Музыка раскатистым эхом носилась по длинным коридорам. Что люди находят интересного в танцах под орущий магнитофон и мерцающую до рези в глазах цветомузыку? И ведь расходиться по своим комнатам явно никто не собирается, хотя время приближается к часу ночи. Интересно, где завтра возьмут силы все эти передовики и заслуженные пенсионеры на продолжение назначенного им лечения? В санаторий вроде бы как приехали. Послушать, так у каждого болячки хронические, спазмы сосудов, например, или гастриты, а как на танцы соберутся, так не остановить: скачут молодыми козочками и бравыми жеребчиками, не боясь схлопотать инфаркт прямо посреди зала. Сама она не любительница таких развлечений, гораздо с большим удовольствием посидела бы сейчас в кинозале и посмотрела какой-нибудь заезженный фильм про красивую любовь, где знаком каждый жест, каждое сказанное слово. Но ничего не поделаешь, план мероприятий здесь расписан на год вперёд, и согласно ему кино крутят два раза в неделю, по средам и пятницам. В выходные же предлагается активный отдых: спортивно-развлекательные эстафеты на свежем воздухе, приглашённые артисты из какого-нибудь близлежащего клуба и под завязку – танцы до самого утра в помещении столовой. Она предпочитала другой отдых, чтобы море, солнце, песок. Конечно же, хорошее вино, фрукты, налитые до краёв соком, и паэлья – пища богов! Да, это можно обеспечить себе и дома, если средства позволяют. Но в краю болот и тайги вино не так ярко искрится в бокале, фрукты теряют свой вкус и аромат, а паэлья превращается всего лишь в плов с дефицитными мидиями.

Отдыхать надо не только телом, но и душой. И делать это нужно с полной сменой обстановки – Крым, Юрмала, а ещё лучше Слынецв Бряг. Тот, кто говорил «курица – не птица, Болгария – не заграница», уж точно не выезжал дальше лесной полянки за речкой. Она и сама в своё время так проводила отпуска, вот только в последние годы поняла, как можно делать это по-человечески. Если бы не болящая спина, которую нужно регулярно поддерживать, она и близко не подошла бы к воротам местного санатория. Единственный плюс здесь – хорошие врачи. Вот и приходится три, а то и четыре раза в год брать путёвку выходного дня, чтобы с пятницы до воскресенья многострадальный позвоночник немного привели в чувство, и с понедельника он мог нормально функционировать. До следующего обострения.

И вообще, апрель не лучший месяц для отпуска. Здесь, в Сибири, межсезонье – самое противное время: постоянная слякоть, тут же переходящая в мороз, улицы по колено в воде, перекопанные с зимы дворы стоят непреодолимой преградой. И вся эта картина будет перед глазами до середины июня и то, если повезёт в этом году с погодой.

Женщина зябко передёрнула плечами и плотнее закуталась в широкий вязаный шарф. Тёмные ухоженные волосы тяжёлыми волнами спадали на плечи и колыхались в такт пружинистой походке. Она миновала ещё один крытый переход. Таких в санатории «Таёжный» четыре, ими соединяются между собой корпуса, что очень удобно – в непогоду не нужно тащиться по улице на лечение или в столовую. И ноги в сухости, и причёска не страдает. Поворот, потом прямо по коридору до самого конца и там он, номер-«люкс». Без надоедливых болтливых соседей, ночных хлопаний дверями ванной комнаты, курения в окно и раскатистого храпа.

Она повернула направо и уткнулась в стену полной темноты – в холле и длинном коридоре не горела ни одна лампочка. Здесь было окно, довольно большое, но с улицы свет практически не пробивался: с этой стороны здания уличные фонари не предусмотрены, а луна

спряталась за плотными облаками. Обещали снегопад и прогноз, видимо, сбудется. Дальше по коридору окон не было вовсе.

Пальмы, стоявшие в деревянных кадках у окна, казались чёрными призраками с огромными мохнатыми лапами. Жутковатая картина. И ни души. Женщина остановилась на секунду, чтобы унять бьющееся сердце, и, внутренне вздрогнув, сделала ещё несколько шагов.

Дверь явно заперта и не видно отсвета от включенного в номере телевизора.

– Какой придурок захлопнул дверь? – заговорила сама с собой и передёрнула плечами. Она же предупредила, что дверь в её номере должна быть всегда приоткрыта!

Боязнь остаться одной в четырёх стенах преследовала с детства, с того самого дня, когда в доме случился пожар, а она, пятилетняя девочка, оказалась запертой снаружи на большой висячий замок. Если бы ни случайный прохожий...

Искать дежурного администратора сейчас дохлый номер, сидят у себя в «служебке», чаи гоняют да в телевизор пялятся, не сказать чего ещё похуже. И спичек у неё с собой нет, потому как не курит. Что ж, придётся двигаться на ощупь, но только осторожно, где-то там, в глубине коридора, у стены стоит диван с журнальным столиком, если с разбегу на них налететь, запросто можно свернуть шею, ковровая дорожка на полу тоже вечно в каких-то складках. Там при полном освещении спотыкаешься, а уж в такой-то крошечной тьме...

Женщина вытянула руки с броским красным маникюром перед собой и сделала несколько робких шагов. Показалось или в темноте действительно слышится тихое дыхание?

– Кто здесь?

Прислушалась. Полная тишина, лишь где-то вдалеке всё ещё раздавались задорные ритмы зарубежной эстрады.

Осторожно шагая, женщина раздумывала, как будет открывать дверь своего номера. Ей ещё ни разу не приходилось бывать в роли взломщика и возиться с замками в темноте. Она нащупала ключ в кармане джинсов и шуршащую бумажку, свёрнутую в плотный комоч. Записка от него... Листок, вырванный из блокнота и исписанный знакомым почерком, торчал в дверной ручке, когда она собиралась идти в столовую на музыкальный вечер. «Значит, всё обдумал, если решил встретиться сегодня», – эта мысль согревала и наполняла душу торжеством победы.

Глубокий вздох, медленно выдохнуть и двигаться дальше. Хорошо что не оставила ключ в номере, прихватила с собой. Ноги в импортных кроссовках, купленных за бешеные деньги у знакомого «доставалы», передвигались бесшумно. Вот и диван... Теперь аккуратно, вдоль него и как раз упрёшься в дверь... Шаг, ещё, ещё... Наконец-то! Рука, начиная дрожать, потянулась за ключом, дыхание перехватывало. Скорее бы попасть к себе, не хватало прямо тут грохнуться в обморок!

И тут прямо в глаза ударил свет.

От неожиданности она не успела даже вскрикнуть, как-то растерялась, остолбенела. Тот, кто был в темноте, не стал терять времени даром. Мгновение и она почувствовала тугую петлю у себя на шее. Удавка всё глубже впивалась в кожу, женщина пыталась оторвать ее пальцами, вдохнуть хотя бы глоток спасительного воздуха, но силы были явно не равны. На крик их и вовсе не осталось – из горла вырвалось хриплое бульканье и всё закончилось. Её не стало...

А музыке было всё равно, она продолжалась, лишь менялись композиции и ритмы. Где-то там, всего за четырьмя переходами, шумно веселились люди, угощая друг друга безалкогольными (и контрабандными алкогольными) коктейлями. Они знакомились, общались, делились адресами и номерами телефонов. Они – жили, а она, Эльвира Нифонтова, уже нет. И никому не было до этого никакого дела.

Глава 1. "БОРЩ"

«Борщ»

Точно по расписанию, в семь сорок пять, служебный ЛиАЗ остановился у высоких металлических ворот с вывеской крупными синими буквами: «АТП «Центральное» и ниже – «Ремонтно-механические мастерские». Почти во всю длину красного кирпичного здания было натянуто кумачовое полотно, гласившее: «Решения XXVI-го съезда КПСС – выполним!»

С разницей в минуту подошли ещё три автобуса. Начиналась очередная рабочая неделя.

Утро понедельника самым тяжёлым было, пожалуй, у Михалыча, начальника производственного участка: сперва с подчинёнными планёрку нужно провести под суровым взглядом портрета нового генсека Андропова, расписать наряды, выслушать отчёты бригадиров о выполненной за истекшую неделю работе, а следом – селектор с вышестоящим руководством. Там уже, случись что, с него стружку снимать будут. И не посмотрят, что коллектив по итогам квартала стал победителем соцсоревнования. Михалыч человек простой, из работяг, дело своё знал, но вот возню с разного рода бумажками терпеть не мог и раздражался от необходимости тратить на это своё драгоценное рабочее время. Прежде ему помогали разгребать бюрократические завалы девчонки из токарной группы – Лена Борисова да Галя Щербинина. Ну как девчонки... Обeim чуть за сорок, «ягодного» возраста не достигли ещё, а для него в его-то шестьдесят семь девчонки и есть. Он и опекал их, словно родной дядюшка, и защищал, если думал, что мужики – слесаря да сварщики, обидели ненароком. Бывало, конечно, такое, но давно.

Полтора десятка лет, если не больше, прошло с того времени, как в большой дружный и сугубо мужской коллектив влились по очереди две молоденькие женщины. Первой пришла Галина Щербинина обучаться токарному мастерству, а несколько месяцев спустя к соседнему станку встала Елена Борисова. Совершенно разные внешне и по характеру, они быстро подружились. Высокая, яркая брюнетка Галина, на которой заманчиво и ладно сидел рабочий комбинезон и маленькая, круглолицая, со светленькими кудряшками Елена, вечно укорачивающая рукава и штанины да периодически подставляющая под ноги ящик, чтобы дотянуться до нужной кнопки или рукоятки. Мужички постарше снисходительно посматривали на новеньких и качали головами – не к месту они тут, долго не задержатся. Те же, кто помоложе, подъезжали с шутками-прибаутками, старались поддеть, а то и откровенно распускали руки. Вот тогда-то и вмешивался Михалыч, ставя своим авторитетом хамоватых выскочек на место. Впрочем, девчонки оперились быстро и скоро уже так могли ответить очередному зубоскалу, что у того надолго пропадало желание пускаться в словесные перепалки. Постепенно Галя с Леной закрепились в коллективе, появился опыт, а вместе с ним и авторитет. Из вчерашних практиканток выросли наставники молодёжи, победители конкурсов профмастерства. Вскоре Борисову за пробивной характер и умение решать порой непростые производственные задачи выдвинули в профком, а Щербинина – единственная за всю послевоенную историю предприятия – стала бригадиром токарной группы и даже периодически подменяла мастера участка.

Коллеги любили в перерыв собираться у девчонок в каптёрке, там всегда было уютно, чисто и обязательно к чаю прилагались домашние пироги. На краю стола стопочкой лежали журналы «Человек и закон», которые любила почитать в свободное время Борисова.

– Эх, девки, замуж вам надо, срочно, такие кулинарные способности зазря расходуете, – посмеивался над своими любимицами Михалыч, с аппетитом доедая очередной пирожок с капустой.

– Ты никак сватать нас пришёл? – откровенно хохотала Лена, прикрывая ладошкой ярко накрашенные губы, а Галина и вовсе уходила в цех. Её такие разговоры заметно раздражали.

– Где уж мне? – не унимался мужчина. – Я за наших лоботрясов переживаю, никак пристроить их не могу к серьёзным женщинам на воспитание. Такие красавцы расхаживают, и рост, и стать, и руки золотые, а вы только носы воротите. Это ж какой генофонд у нас на производстве обосновался – загляденье!

– Вот когда твой генофонд после работы не в пивнуху побежит, а на стадион или хотя бы в библиотеку, вот тогда и поговорим.

– Да пойми ж ты, кудрявая твоя голова, мужик он ведь сам по себе с выбранного пути не свернёт, ему стимул для этого нужен! К тебе вон Юрка Лебедев второй год подкатывает, а ты хоть бы улыбнулась в ответ. Или вон Андрюха Лосев из автобазы. Скоро заикаться начнёт при виде тебя, а ты нос кверху и мимо.

– Михалыч, ты чего? – и без того огромные глаза Борисовой расширились на пол-лица. – Ты мне кого тут белыми нитками пришиваешь? Юрку, который через день у меня рубль на пиво кланчит? Заметь, без штампа в паспорте, а уже распоряжается моим бюджетом! А Лосев твой? Заикание я ему точно обеспечу и не от любви неземной, а от того, что спалился он мне, когда в рабочее время «левачил». Месяц назад я от профсоюза ездила подарки нашим призывникам закупать, гляжу – батюшки! Знакомый «Краз»! До верха навозом гружённый летит в сторону Нахаловки. Я ему кулак показала и дальше по своим делам помчалась. Вот он с той поры за мной хвостом и ходит, кается. Переживает, чтоб начальству не сдала. А я помалкиваю себе да и всё, держу его в тонусе. Ты же тут уже целый роман написал! Хорошо, не в стихах.

– Строгая ты очень и к себе, и к людям, Елена, – вздохнул Михалыч, – как и подруга твоя задушевная. А иногда попроще быть – легче жить.

Такие разговоры обычно ничем не заканчивались. Все расходились по своим рабочим местам и встречались уже в служебном автобусе по пути домой.

Обстановка в коллективе изменилась с приходом на РММ Ксюши Орловой. Яркая, тоненькая, с лучистыми синими глазами – она сразу же очаровала всех, вот только не понятно было, зачем ей, студентке четвёртого курса, будущему инженеру-металловеду да ещё и представительнице целой династии технарей Орловых, работа на РММ?

– Будет у тебя, Владимировна, ещё один токарь – на шпильках и с маникюром, – подтрунивали слесаря над Галиной Щербининой.

– Скажут – сделаем, – невозмутимо отвечала та.

Конечно же, ни к какому станку Ксению не определили. Михалыч переговорил в управлении и забрал девушку к себе на должность нарядчицы. И не прогадал – шустрая студентка ловко разобрала залежи бумаг и навела в конторке Михалыча настоящий флотский порядок, избавив старика от тягот бюрократической жизни. А когда Ксюша поделилась с женской частью коллектива схемой модного вязаного джемпера и рецептом фирменного бабушкиного пирога из тыквы, то, не смотря на значительную разницу в возрасте, завязалась крепкая женская дружба.

Ксюша была из семьи первостроителей города. Её дед, Фёдор Поликарпович Орлов впервые побывал в этих местах ещё до революции, в качестве подсобного рабочего в геологоразведочной экспедиции у самого Василия Яворского. Фёдор был тогда совсем мальчишкой, ему едва исполнилось четырнадцать. Эта поездка навсегда изменила жизнь парня, у него появилась мечта – стать геологом, таким же знаменитым, как рудознатец Михайло Волков, открывший в 1721 году месторождение каменного угля на земле Кузнецкой. И вскоре этой мечте дано было осуществиться. Фёдор Поликарпович поработал во многих уголках молодой Страны Советов, но его всегда тянуло в эти таёжные места и в самом начале войны, когда стране требовалось всё больше угля, он вернулся сюда уже с семьёй и продолжил работу. Карты Василия Яворского пригодились как никогда. А вскоре было решено построить в этом месте город – уютный, утопающий в зелени, такой, чтобы здесь хотелось жить, работать, растить детей.

Эту миссию взял на себя уже сын Фёдора Поликарповича – Станислав Фёдорович Орлов. По его проекту закладывался посёлок, из которого постепенно разрастался город, наводились паромные переправы, соединившие посёлок с соседним Сталинском, начиналось строительство железной дороги. Плечом к плечу с мужем трудилась и супруга, Валентина Георгиевна.

Ксюша была поздним ребёнком у Станислава и Валентины, долгожданным и любимым. Им было хорошо за сорок, когда малышка появилась на свет и над ней буквально тряслись, переживая за каждый прорезавшийся зуб, разбитую коленку или расцарапанный нос. Переживали и держали в строгости, порой излишней, чтобы оградить от бед и забот.

– Я с родителями немного повздорила,– призналась как-то Ксения своим новым подругам. – Папа у меня человек сложный, упрямый, деспотичный даже. Он считает, что пока дочь зависит от родителей, то должна беспрекословно их слушаться, во всём. Какие книги читать, какое кино смотреть, с кем дружить. А уж про парней думать до окончания института– это вообще не обсуждается. Об аспирантуре – пожалуйста.

– Вот уж не думала, что в наше время в интеллигентной семье может процветать такой домострой,– покачала головой Борисова. – Но, может быть, ты просто не совсем поняла слова своего отца? Конечно, он строгий, ведь его задача заботиться о тебе.

– А мама что говорит?– поинтересовалась Галина.

– Она полностью разделяет точку зрения папы,– вздохнула Ксюша. – Хорошо, что есть дед. Вот он меня поддерживает, и хоть ему уже хорошо за восемьдесят, совет может хороший дать. Я с ним поговорила и решила, если родители до сих пор видят во мне ребёнка, надо им показать, что я уже выросла. Конечно, приходиться домой за полночь и с бутылкой портвейна в руках было бы чересчур, поэтому я сделала три шага: перевелась на заочное отделение в институте, нашла работу и сняла квартиру. Нужно же с чего-то начинать, правда?

– Да, пока мы молоды, всё время спешим вылететь из родительского гнезда, мечтаем о самостоятельности, и только с возрастом начинаем понимать, как это хорошо быть рядом с мамой и папой,– грустно улыбнулась Галина. Она рано осталась без отца, потом и матери с отчимом, и не смотря на наличие двух младших сестёр, чувствовала себя одиноко.

– Тоже мне, старушка нашлась,– засмеялась Елена,– да мы с тобой, Галчонок, ещё дамы хоть куда, недаром же Михалыч нам через день «генофонд» со всего АТП сватает! А ты, Ксюша, запомни, это твоя жизнь и живи её так, как сама посчитаешь нужным. Тем более, ничего криминального ты не совершила, подумаешь, от мамы с папой переехала. Но учёбу всё же не бросай, профессия у тебя хорошая, нужная, через пару-тройку лет, глядишь, ещё всеми нами покомандуешь.

– Покомандуешь тут, как же!– возмутилась Ксюша. – Вчера двое электриков пришли на работу с бодуна, в кабинете перегаром несёт, не продохнуть. Им наряд выписан по ремонту плит в столовой, а они ни «му», ни «хрю». Полдня шарахались из угла в угол, пока заведующая столовой не впала в истерику и не нажаловалась Михалычу. В слесарке бардак оставили, весь инструмент раскидан. Ругалась с ними, забыли, говорю, как в прошлом месяце едва без премии не остались, когда у вас тут главный инженер на гвоздодёр наступил? А сварщики? Вечно использованные электроды на промплощадке валяются. Так ведь и до пожара недалеко. Лен, ты же профсоюз, поговори ещё раз о порядке на рабочем месте!

– Спокойно, Ксения! Не нервничай! Тут одними словами и угрозами ничего не добьёшься, мужики– народ поперечный. Борисова ту же затащила косынку на голову и тщательно спрятала под неё непослушные светлые локоны.

– И что теперь?– видно было, что Ксюша действительно расстроена.

– Я предлагаю использовать наглядную агитацию,– ответила девушке старшая подруга.

– Да у нас на каждом шагу плакаты висят: «Экономь электроэнергию!» «Береги рабочее время!» «Алкоголь тебе не товарищ!» Ни на кого это давно не действует.

– А нам лозунги и не нужны. Я предлагаю организовать что-то вроде стенгазеты, с рабочим названием, например, «Гвоздодёр», в честь того самого, об который главный инженер ноги ломал. И в ней один или два раза в неделю рассказывать как об успехах производства, так и об отдельных неприятных моментах. Да, есть на предприятии большая стенгазета, которую наш художник-оформитель раз в неделю выпускает, есть многотиражка от объединения, а мы сделаем свой, цеховой, листок. Времени оформление займёт немного, а польза будет, я уверена.

Ксюша с радостью подхватила эту идею и в следующий понедельник перед планёркой первый выпуск «Гвоздодёра» красовался на стенде уголка безопасности. Второй номер подготовили к пятнице и уже через месяц рукотворную газету стали ждать с нетерпением, тем более, что редколлегия подходила к делу ответственно и добросовестно.

Конечно, оценили такое творчество далеко не все. Особенно возмущался по этому поводу молодой слесарь Гоша Новиков, парень видный, симпатичный, но больно уж себе на уме. Его «пропесочивали» практически в каждом выпуске. Работал он в РММ недавно, чуть больше года, но отличиться успел: дважды за месяц отлынивал от дежурства в добровольной народной дружине; подрался на танцевальной площадке; нецензурно выражался во время сеанса в кинотеатре – и ещё несколько эпизодов помельче. Увидев свою фамилию в «Гвоздодёре» в очередной раз, он громогласно возмутился в курилке:

– Достали эти добровольные журналисты со своими разоблачениями! Своих дел нету у них, что ли? Кроме нравоучений ни на что не способны, прям не бабы, а СМЕРШ какой-то – всё присматриваются к тебе, принимают. То сидишь не так, то свистишь... И фамилии в столбик: «Борисова, Орлова, Щербинина». «БОРЩ»! Точно! Самое бабское дело – борщи варить, а не статьи пописывать. В своё время, кроме как на токарей, выучиться не смогли – мозгов не хватило, а сейчас, глянь-ка – писателя. Теперь я эту троицу святош только так и буду называть!

Прозвище очень понравилось слесарям да сварщикам и закрепилось за женщинами моментально. Гоша же всё не унимался.

– Эй, Ксюха! – однажды показушно, на весь цех, прокричал он вслед Ксюше Орловой, когда та торопливо проходила мимо. – Борщ-то умеешь готовить? Или уж на крайний случай кашу. Я б не отказался к тебе в гости заглянуть на званый ужин!

Дружный мужской смех несколько не смутил девушку, она даже не оглянулась на нахала, только шаг ускорила, но вот Михалыч фамильярностей терпеть не стал.

– Не Ксюха она тебе, а Ксения Станиславовна, – проворчал он, строго глядя на вызванного в кабинет Гошу. – Ужинать он собрался, гость дорогой. Не для тебя там столы накрывают. Чтоб такая девушка тебе разносолы готовила, для начала научись язык за зубами держать, не ляскать им что ни попадя да деньгу заколачивать достойную. А то, поглядите на него, красавец какой выискался!

– Да ладно, Василий Михалыч, это же просто шутка была, – попытался оправдаться Гоша.

– Ты со мной пошути или вон с Матвеем Степанычем из кузницы. Перед Володькой-малышом позубоскаль, у него кулак в две твои головы, вмиг охолонёшь. А девочку трогать не смей! И не только её! Что ты к ним пристал? Чем не угодили? И знаешь, вот не тебе про их ум рассуждать. Не с руки им перед тобой дипломами махать. А я тебе так скажу – до их бабьего ума тебе, пацан, ещё расти и расти. Галина, между прочим, исторический закончила, в экспедиции ездила, научную работу готовилась писать. Да вот судьба крутой вираж сделала, и пришлось ей в рабочую профессию идти, в одиночку сына поднимать. У Лены нашей своя история. Внешность у неё, как у простушки – глазки, щёчки, кудряшки. А она, между прочим, юрист, награду имеет из области. И то, что у станка стоит – её это выбор, понял? И не у простого станка, а у импортного с числовым программным управлением, бешеных денег сто́ит, между прочим. Ни один мужик-токарь не взялся за наладку и обслуживание, а они взялись!

– Да понял я, понял. Героические и умные женщины. Идти можно? – в Гоше снова начал просыпаться дух противоречия.

– Пойдёшь ты, когда я скажу, и куда – тоже! – Михалыч даже покраснел от возмущения, но тут же взял себя в руки. – «Борщ» твой девчонки оценили. Сказали, поручат тебе для стенгазеты ребусы составлять, чтоб напрасно остроумие своё не расходовал.

– Делать мне больше нечего, – нахмурился от досады Гоша. Не спрашивая больше разрешения, он вышел из кабинета начальника и широко пошагал в цех. Бригадир, детина двух метров ростом и с косой саженью в плечах, которого парни в шутку окрестили "малышом", за выполнение наряда спросит строго, у него не забалуешь.

Оказалось, что женщины действительно не думали обижаться на Гошину шутку, напротив, они решили использовать придуманную им аббревиатуру в рекламных целях: начиная со следующего выпуска «Гвоздодёр» был переименован в «Борщ». В маленькой заметке, обведённой красной тушью, редакционная коллегия благодарила слесаря по обслуживанию и ремонту оборудования Георгия Новикова за проявленную инициативу и творческий подход в развитии цеховой стенгазеты.

Глава 2. Ксюша

Ксюша

Начало марта в Сибири абсолютно ничем не напоминает весну, разве что числами в отрывном календаре на стене: сугробы по-прежнему достают до подоконников второго этажа, ночью морозец поджигает до минус тридцати и ниже, пурга зазывно носится по переулкам. Вроде бы гулянья прошли на главной городской площади, проводили зиму восвояси, но она не торопится покидать гостеприимные места, так и ищет повод присесть на денёк-другой на дорожку да выпросить чего-нибудь погорячее на посошок. Радует только одно – длинные зимние ночи начали подходить к концу, и пусть день прибавился совсем незначительно, как поговаривали старики «на куриный шажочек», всё же на пороге весна, а там и лето не заставит себя ждать.

В столовой АТП «Центральное» с самого утра суета: сдвигаются столы, натираются полы и подоконники, стучат ножи о разделочные доски, шкворчат сковороды и кастрюльки и в воздухе витает соблазнительный аромат. Вазы с инвентарными номерами на донцах занимают свои места на белоснежных скатертях, где-то в подсобках призывно позвякивает стеклотара – этот звук сложно перепутать с чем-то другим. Здесь же прячутся и большие картонные коробки. Что в них – знают только водители бензовозов, которые мотаются по командировкам в разные уголки необъятной страны да работницы столовой, не сумевшие побороть природное любопытство. Мимоза. Жёлтое солнышко на зелёной ветке. В этих местах ранней весной о цветах приходится только мечтать. Лишь в самом конце апреля несмело покажутся на лесных проталинах краснокнижные первоцветы – подснежники да кандыки, а в мае заполыхает оранжевым заревом купальница, или как зовут её в этих местах – огонёк. Но до этих дней ещё далеко, а Международный женский день вот он и хочется не просто поздравить своих подруг, коллег, любимых, но ещё и удивить их. Эту задачу и взяла на себя мужская часть АТП, тем более что представительниц прекрасной половины трудилось у них не так много – диспетчера, заправщицы, стройгруппа, бухгалтерия да всё та же столовая. Не забыли, конечно же, и РММ, где женщин было всего трое. Банкет должен получиться на славу, поговаривали, что даже из области приедет какой-то большой начальник.

– Еле руки оттерла от смазки,– ворчала Лена Борисова, сидя на лавочке в женской мойке. Она завернулась в большую жёлтую махровую простыню и мазала руки кремом из круглой баночки. Дефицитный домашний текстиль был привезён из Казахстана в трёх экземплярах, когда женщина гостила у родственников под Павлодаром в прошлом году.

– Ты хоть маникюр умудрилась не испортить,– Галина сидела напротив, в такой же, только голубой, простыне и придирчиво разглядывала свои ногти, покрытые модным тёмно-бежевым лаком.

– Да ничего ты не испортила, всё в порядке, цвет очень удачный, мелких царапин не видно, – успокоила подругу Лена. – Ты лучше скажи, одариваться к празднику будем?

Традиция делать друг другу маленькие милые подарки к праздникам была у них уже много лет. Каждая уже задолго до торжеств думала, что бы такого нужного, полезного и приятного презентовать своей подруге, и глаз порадовать, и в хозяйстве использовать. Обе любили красивые скатерти и салфеточки, присматривались к изящной бижутерии, не проходили мимо интересной книги, а уж если удавалось раздобыть что-то невероятное, вроде флакончика духов «Дзинтарс» или упаковки нейлоновых колготок, то радости просто не было предела.

– Конечно, будем,– Галина уже переделалась в нарядное шерстяное вишнёвое платье и осторожно развязывала на голове платок, чтобы не растрепать причёску. Удовлетворённо вздохнув,

она ещё раз посмотрела на своё отражение в зеркале. Укладка, конечно, немного примялась, но это было поправимо.

– Может, у меня соберёмся на выходных? – Лена осторожно снимала с плечиков голубое шёлковое платье, сшитое в ателье специально для женского праздника.

– Давайте лучше у меня, я на кухне обои новые поклеила, оцените и заодно обмоем это дело. Достать их, скажу я тебе, было целой эпопеей. Так что обмыть – святое дело!

– А я предлагаю третий вариант, – неожиданно громким голосом в гулком помещении мойки заговорила Ксюша. – Девочки, я приглашаю вас к себе. Готовить, увы, не очень умею, но уж винегрет настругать получится даже у меня, а дед презентовал мне коробку конфет «Птичье молоко» и бутылочку «Токая». Так что гуляем! Как я вам? Не сильно вычурно? – она осторожно покружилась на каблучках.

Пышная серая юбка в стиле 50-х с широким поясом и беленькая блузочка без рукавов делали хрупкую фигурку девушки очень изящной. Ксюша собрала белокурые длинные волосы в высокий хвост на макушке, открывая шею, и ей это очень шло, гораздо больше, чем повседневный бардак из кудрей. Сильно подведённые глаза совершенно не портили образ.

– Да ты просто феечка! – восхитилась Борисова. – А то напялит джинсы и носится, как пацанка, по цехам и конторе.

– Джинсы – это писк, понимать надо, – засмеялась Щербинина.

– Да-да, пищит да никак не сдохнет, – в тон подруге ответила Лена, – молоденькой девушке всё к лицу, это нам с тобой надо подумать, что на себя натягивать, а тут хоть мешок из-под картошки – шик да блеск.

– Ну, всё, засмущали совсем, – потупила глазки Ксюша и мельком глянула на часы на запястье левой руки. – Народ, мы опаздываем! Пятнадцать минут до начала! Давайте пошустрее, а то самые лучшие места займут и дефицит с тарелок сметут. И без нас! Бегом!

Девушка тут же выскочила за дверь, а подруги ещё раз посмотрелись в зеркало и только потом пошли к выходу.

– Теперь для нас задача номер один – не убиться по дороге в столовую. По льду и снегу на каблуках это почти одно и то же, что корова на коньках, страшно красиво, – Лена старалась идти, втыкая каблук в снег. Галина молчала, сосредоточенно проделывая то же самое. Ксюша уже ждала их на крылечке столовой, нетерпеливо подпрыгивая на месте.

– Девочки, давайте, ещё немного! Я нам места заняла. Начинаем!

Вечер получился незабываемым. Началось всё, конечно, с торжественной части, на которой выступил директор предприятия с кратким отчётом. В конце своей немного нудноватой речи он поздравил женщин с их весенним праздником и передал микрофон на чёрном толстом проводе приглашённым гостям. Ими были самодеятельные артисты клуба железнодорожников и вокально-инструментальный ансамбль старшеклассников подшефной школы. Разноцветные тюльпаны в вазах, шарики на окнах и светильниках, блюда и нарезки, от которых буквально текли слюнки. К столу умудрились подать даже свежие огурцы! Вот уж за что можно сказать огромное спасибо смежникам из тепличного хозяйства!

Когда на импровизированной театральной площадке малыши из кружка декламаторов читали стихи о маме, а хор ветеранов исполнял песни о родных просторах, Борисова заметила исчезновение Ксении.

– Куда наша мадам запропастилась? Только что рядом сидела и вдруг растворилась в воздухе. Без неё и «Борщ» наш совсем не тот.

– Да мало ли, – пожал плечами Галина. – Может, носик припудрить выскочила или пошептаться с кем. Её же к стулу никто не привязывал.

– Дорогие товарищи, – услышали они голос своего начальника Василия Михалыча, – мне доверили сегодня не просто поздравить, а еще и вручить подарки нашим коллегам. Особенно приятно мне говорить о женщинах, с которыми работаю лично я. По итогам соцсоревнований

токарная группа ремонтно-механических мастерских получила звание ударников коммунистического труда. Это Елена Валерьевна Борисова и Галина Владимировна Щербинина. Подойдите ко мне, девочки, дайте вас обнять и лично вручить значки, удостоверения и вымпел!

Немного смущённые пристальным вниманием и аплодисментами коллег женщины вышли в центр зала.

– Это ещё не всё! – раздался голос из-за стола, за которым восседало руководство. Принадлежал он начальнику производственного отдела объединения «ЮжСибуголь» товарищу Андрееву. В коллективе приезжее начальство не любили, а Андреева особенно. Весь он был какой-то скользкий, влажный, не смотря на свои всего-то сорок шесть лет, отрастивший приличное пузо и обширную лысину. А ещё эта его привычка к затяжным поцелуям, буквально скопированная с ныне покойного генерального секретаря...

Мужчина подошёл к подругам.

– Милые дамы, мне поручено ознакомить вас с приказом, согласно которому вам будет вручена премия в размере оклада и, скажем так, маленький презент. Путёвка выходного дня на двоих в ваш замечательный загородный санаторий «Таёжный»! Заезд с пятнадцатого апреля. Проведите замечательно и с пользой выходные дни, а с понедельника приступайте к работе. И новых вам побед, дорогие наши товарищи!

Он протянул букетик из трёх веточек мимозы сперва Борисовой, потом Щербининой и широко распахнул объятия, чтобы заключить в них женщин. Галина оказалась более проворной, ей удалось увернуться и прошмыгнуть на место, Борисовой повезло меньше. Цепкие руки прижали её к мягкому, как спущенный шарик, пузу, буквально перебросив через него, пухлые мокрые губы под реденькими и тоненькими, в ниточку, усами, впились в лицо женщины. Она едва не задохнулась от охватившего отвращения и осознания того, что он пытается своим языком проникнуть к ней в рот. Лена с огромным трудом подавила в себе желание отхлестать нахала по мордасам подаренным им же букетом и зажатым в кулаке вымпелом. Утираясь, она вернулась к столу, там молча махнула подряд три рюмки «Столичной» и подалась в туалетную комнату, чтобы немного умыться и заново нанести слизанную в ноль помаду. Галина смотрела ей вслед с нескрываемым удивлением – подруга терпеть не могла водку.

Вернулась Лена к самому концу торжественной части, когда уже были розданы все мимозы, вручены грамоты и благодарственные письма. Она с хмурым видом жевала кусочек отбивной и косилась в сторону «директорского» стола. Какие слова вертелись в голове женщины, легко можно было догадаться. Пошутить на тему произошедшего не рискнул никто.

– А теперь, дорогие друзья, музыкальный подарок от ваших подшефных, учащихся десятых классов, объединившихся в замечательный вокально-инструментальный ансамбль «Юность»! Встречайте! – ведущая, руководитель детского кружка декламаторов, торжественно взмахнула рукой.

Трое длинноногих парней в белых рубашках с электрогитарами да ещё один, такой же, за простенькой барабанной установкой – вот и вся группа. Однако когда зазвучали первые аккорды, в зале начали перешёптываться. Ребята играли действительно хорошо. Но только играли. Популярные эстрадные мелодии сменяли одна другую, и при этом никто из артистов не произнёс ни звука.

– Не, ну что вы инструментальный ансамбль мы уже поняли. А вокальный-то где? – как всегда за всех громогласно озвучил ситуацию Гоша Новиков.

– Минутку терпения, будет и вокал, невозмутимо парировал один из музыкантов, не прерывая своей игры. Они закончили очередную композицию, и в полной тишине с микрофоном в руке к ребятам вышла Ксюша:

Такого снегопада, такого снегопада
Давно не помнят здешние места.
А снег не знал и падал,

А снег не знал и падал,
Земля была прекрасна, прекрасна и чиста...

Голос девушки – высокий, звонкий – поднимался вверх, к потолку, к круглым плафонам на нём. Сказать, что присутствующие были удивлены, значит, не сказать ничего. Лёгкий шок испытали, в том числе, и «двое из «Борща».

– Как мало мы знаем о нашей Ксюше, – заворуженно прошептала Лена, – точнее, совсем ничего. Я даже предположить не могла, что она настолько талантлива!

– И ведь никому ничего не рассказала, партизанка! – притворно возмутилась Галина. – Теперь, увидишь, задёргают её на всякие смотры и важные мероприятия. Глянь, как на неё таращится Андреев, глаза вот-вот выпадут!

– Тут главное, чтобы без поцелуев обошлось, – Лена задумалась на секунду, а потом решительно плеснула себе ещё немного «Столичной» из стоящей рядом бутылки.

– Заканчивай бухать! – толкнула подругу локтём Галина.

– Медленный танец, – объявила Ксюша. – В честь нашего праздника приглашают кавалеры! И запела. Да так, что прослезился бы и сам Джо Дассен:

Если б не было тебя,
Ответь мне, для чего мне жить.
Без надежд, без потерь, без тебя,
Без любви во мгле бродить...

Лена закрыла глаза, вслушиваясь в прекрасную музыку, как вдруг над самым ухом прозвучало:

– Разрешите вас пригласить! – над ней склонился товарищ Андреев и уже тянул свои руки к её руке.

– Извините, я не танцую, очень кружится голова, переволновалась, наверное.

– Тогда прошу вас, и возражения не принимаются! – мужчина схватил за руку опешившую Галину и потащил за собой.

Женщина беспомощно оглянулась на подругу. Та подмигнула в ответ и налила водки в её рюмку.

Расходиться начали уже затемно, хорошо, что завтра выходной, а то тяжело было бы приступить с утра к строительству коммунизма с неподъёмной головой. Народ загрузился в дежуривший служебный автобус, продолжая шумно и невпопад распевать песни.

Ксюша торопилась, но всё равно оказалась самой последней. Придётся бежать до автобуса, чтобы не уехали без неё. Не очень-то это привлекательно – идти пешком через малоосвещённую Нахаловку да по застывшей буграми мартовской дороге.

– Ксюша! Ксения Станиславовна! – услышала она голос где-то сбоку. Оглянулась. К ней не спеша подходил Гоша Новиков.

– Георгий, говорите поскорее, что вам нужно. Я не хочу опоздать на автобус.

– А вы действительно торопитесь? – было странно видеть, что этот нагловатый парень, который никогда не лезет за словом в карман, смущён и робок.

– Ну, вообще-то да. Я очень устала и хочу поскорее оказаться дома в халате и тапочках.

– Может быть, мы пройдемся немного? Поговорим. Я вас провожу до самого дома.

Ксюша немного замаялась. Она действительно устала, но ехать в автобусе с нетрезвой публикой, орущей какой-то купаж из эстрадных и народных песен, не очень хотелось. С другой стороны, Гошу она немного побаивалась. Уж слишком хорошо у него вылетали всякие колкости, не всегда найдёшь, что ответить. Поэтому и ходила она мимо слесарки молча и с высоко поднятой головой.

– Хорошо, давайте прогуляемся,– согласилась девушка. – Только недолго, ноги гудят, весь вечер на шпильках простояла. Вам несказанно повезло, Георгий, что я сейчас в сапогах на «манке», был бы каблук – ни за что не согласилась бы на эту авантюру. Ну что, мы идём? – нетерпеливый вопрос она задала своему спутнику, который вдруг скрылся где-то в темноте. Автобус тем временем тоже уезжал в темноту, моргая напоследок габаритными огнями.

– Я просто на минутку... Вот, это вам, Ксюша. За песни и вообще...– парень снова появился перед ней, держа в руках букет из пяти пышных гвоздик в прозрачном целлофане. – Я хотел подарить их вам ещё там, на вечере, но подойти не решился.

– Спасибо, потрясающий букет!– восхитилась Ксюша. – А где же он простоял всё это время?

– За раздаточным столом, в ведре с водой.

– Что ж, в таком случае это уже не просто вечер, а настоящее приключение. Идёмте, Георгий. Автобусы уже всё равно не ходят, такси поймать в это время практически не реально, так что ваша миссия – доставить нас (меня и этот великолепный букет) до самого порога. На кофе не приглашаю, как и на чай, но «спасибо» гарантирую.

– Да я и не напрашиваюсь,– снова смутился Гоша и взял девушку под локоток. – Можно? Сколько на улице.

– Можно,– улыбнулась Ксюша в ответ.

Они прогулялись около часа и расстались вполне довольные друг другом. Ксюше понравилось, что её попутчик не отпускал свои обычные шуточки, не тянул к ней руки и не курил всю дорогу, пуская дым в лицо. Оказалось, что парень – сирота, с десяти лет растёт без матери. Отец скорбел по покойной жене каких-то полгода, а потом женился на женщине с ребёнком и отправил своего сына жить к бабушке, матери своей бывшей супруги. Та делала для внука всё, что могла: поддерживала, пока он учился в школе и ПТУ, ждала из армии, молясь днём и ночью, чтобы он не угодил в Афганистан. Утром будила его на работу, вечером встречала с горячим ужином. Просто любила и от души желала счастья.

Гоша в свою очередь немного поменял своё мнение о Ксении. Он увидел, что она вовсе не заносчивая, а наоборот – открытая и весёлая. И талантливая. Такой голос даётся не каждому! И самое главное, она не стала возражать, когда он предложил перейти на «ты»:

– А знаешь, наши древние предки всегда говорили друг другу «ты», а на «вы» было принято говорить тем, кому не доверяешь или врагам. Даже к царю обращались на «ты» и это было нормально. Так что я не против!

– Скажи, а как ты со школьниками в одном ансамбле оказалась? У них что, сверстниц поющих не нашлось?

– Тот высокий парень с гитарой – мой сосед, Костик. Он когда затеял создание своего ВИА, собрал ребят, им просто нужна была небольшая помощь с вокалом. Я в свое время занималась во Дворце пионеров, даже солисткой в хоре была, вот он меня и позвал. А потом мы сработались как-то и они другую певицу искать просто не стали. Я же заочно в области в институте учусь, в выходные практически всегда дома, вот мы и репетируем, выступаем у них в школе, у шефов вот теперь довелось. Ну, бывает, что и в ресторан пригласят на свадьбу или юбилей. Ребята заработанные там деньги вкладывают в покупку новых инструментов. Они очень талантливые! Сами музыку подбирают, аранжировки делают. Мы вместе уже два года.

– Мне очень понравилось, как вы выступали,– видно было, что Гоша говорит искренне. – Я раньше такие концерты только по телевизору видел. Теперь тебя с ребятами, наверное, пригласят на какой-нибудь фестиваль или конкурс. Товарищ Андреев слюни пузырями пускал, все заметили.

– Позовут – поедem. Ребятам надо продвигаться, вот только не думаю, что от Андреева в этом плане что-то зависит. Этот человек ни о ком, кроме себя не думает, сразу видно,– Ксюша грустно вздохнула. – Но мы не унываем. Есть местное телевидение, газеты, да и просто «сара-

фанное радио» никто не отменял. Главное, чтобы они сами со временем не забросили занятия музыкой, а то окончат школу, разлетятся, кто в армию, кто на БАМ и всё. Но не будем о печальном. Лучше открой-ка мне тайну, Георгий. Кто из наших слесарей-золотые ручки умудрился в прачечной установить слив стиральной машины так, что при стирке там вонища стоит канализацией на сотни километров? Мне бы хотелось взглянуть на этого гения ну и «сварить из него борщ».

– Что? – Гоша округлил глаза.

– Мы с девчонками так говорим, когда собираемся о ком-то написать в стенгазете. Она ж теперь «Борщ» называется, забыл что ли? – рассмеялась Ксюша.

– Нет, не забыл, – Гоша хитро прищурился. Он уже представил, как будут «варить» Лёху Попова по кличке «Так сойдёт», за которым всей бригаде вечно приходится устранять разные косяки. Ну, держись, Лёха! Страна должна знать своих героев!

Глава 3. Королева Марго

«Королева Марго»

Наконец-то этот день наступил! Конечно загородный санаторий совсем не то, что поездка в Сочи, но смена обстановки, свежий воздух и возможность хоть пару дней позаботиться о себе, это тоже замечательно. А там и отпуск не за горами.

Номер, в который поселили подруг-ударниц, казался им по-королевски роскошным, из тех, что относится к «повышенной комфортности», но чуток до неё не дотягивает: две комнаты, хорошая добротная мебель, телевизор, радио, холодильник, ковёр на полу, но из удобств только раковина с зеркалом, за остальным нужно бежать в конец коридора. Таких же номеров в их крыле было четыре, дальше шёл большой холл с окном и шторой-«маркизой», перед которым в огромных кадках росли две огромные пальмы, а рядом, на полу, стояли керамические горшки с кустарниками поменьше. Здесь же, друг против друга, находились два уютных диванчика, между ними расположился журнальный столик. То есть можно было посидеть, пообщаться, просмотреть свежую прессу. Такой же диван и столик пристроились у стены возле номера-«люкс», куда подруги решили заглянуть. Дверь в номер была приоткрыта, видимо, его подготовили к приезду гостей.

Галина осторожно постучала, никто не ответил.

– Давай быстренько зайдём и на выход,– предложила она. Лена кивнула и две любопытные женщины бесшумно просочились в номер.

Он выглядел практически также, как и их собственный – мебель, обстановка, ковёр на полу, за исключением, разве что, бытовых мелочей. Например, здесь в пользовании проживающих были электрический чайник и симпатичный чайный сервиз. Отечественного производства, «дулёвский», но с претензией на китайский фарфор. В таком маленьком городке как Междугорск приобрести его было большой удачей. А ещё здесь была собственная ванная комната!

– Вот это, конечно, здорово! – восхитилась Борисова,– вернулся с процедур, полежал в ванне, расслабился и почувствовал себя живым человеком. И за другими удобствами не надо в очереди стоять.

– Очередь, Ленусик, это полбеды, а вот если перед тобой зашли две-три пачкуньи или мазины – это да! Смотри, здесь есть туалетная бумага! Специально для нежных попок. А у тебя что с собой?

– Два номера нашей малотиражки,– засмеялась в ответ подруга. – Не переживай, грязной не останешься. Ты лучше сюда глянь, это же просто как в иностранном кино!

Такое восхищение вызвали два белых махровых халата, висевших на крючке за дверью ванной комнаты.

– Моё китайское полотенце, которое я урвала по случаю два года назад и считала верхом нежности и пушистости, по сравнению с этими халатиками просто кусок марли!

– Да, уютно, ничего не скажешь! Я и не знала, что у нас могут быть такие номера в заштатном санатории,– Галина ещё раз огляделась по сторонам и заторопилась к выходу. – Давай сматываться отсюда пока хозяева не пришли. Вряд ли тут поселят какого-нибудь Гошу, а человеку солидному наше с тобой присутствие не очень может понравиться.

Они были уже практически на пороге, когда дверь распахнулась и две выходившие из «люкса» женщины нос к носу столкнулись с третьей, входившей. Это была высокая пышная дама с волнистыми тёмно-каштановыми волосами до плеч. Пронзительные зелёные глаза, густо подведённые тушью, моментально «считали» подруг, и вишнёвые губы немного покривились. На плече женщины висела большая спортивная сумка, ещё одну сумочку, поменьше, она дер-

жала в руке. Короткая дублёнка, джинсы, заправленные в высокие сапоги на каблуке, и невесомый газовый шарф на шее дополняли картину.

– Что вы здесь делаете? – спросила дама спокойным, но весьма недовольным тоном.

– Здравствуйте, мы ваши соседки, из сто двадцать третьего, приходили познакомиться, пригласить на чай,– протараторила от растерянности Лена.

– Благодарю за приглашение,– снисходительно проговорила та и протиснулась в свой номер буквально сквозь незваных гостей,– чай вреден для здоровья, я предпочитаю кофе. Зерновой, свежесваренный.

– Располагайтесь, увидимся!– прошептала Лена, едва успев убрать нос от закрывшейся двери. Правда, негостеприимная хозяйка не захлопнула её до конца, а оставила полуоткрытой.

– Пошли пить наш с тобой грузинский чай из палок. Я кипятильник с собой привезла,– Галина приобняла за плечи всё ещё стоявшую у двери «люкса» подругу и потянула её за собой. – Чего встала? Видишь, люди в это время суток предпочитают кофе, берегут здоровье. А нам с тобой и так сойдёт. До ужина далеко, значит, пока будем обходиться своими силами.

– Не женщина, а бригантина «Королева Марго»,– рассмеялась Лена.– Интересно, что она забыла в этом санатории? Ей по статусу минимум Карловы Вары. Да, судя по тому, что на ней надето, по деньгам тоже.

– А кушать на ужин королева всё равно будет не омаров, а пюре с котлеткой в той же самой столовке, что и мы с тобой. И кисель из брикета станет отличной заменой для кофе с коньяком!

Распаковались подруги достаточно быстро, да и не так много нужно с собой всякого барахла, если уезжаешь из дома всего лишь на выходные. Но без чего точно нельзя обойтись – без начатого вязания и интересной книжки.

– Ты с кем своего котюфея оставила?– спросила Галина. По телевизору как раз показывали передачу «В мире животных» и вальжный, растянувшийся на солнышке лев очень напомнил ей кота подруги, Пушка – чёрного, толстого, пушистого до невозможности и с большими жёлтыми глазами. Лена подобрала его на улице лет шесть назад, и со временем из полуоблезлого пищащего комочка вырос здоровенный котяра, охранявший дом не хуже овчарки.

– Дома, куда же я его дену? Он у меня не любит перемен. Сын вечером после работы заедет, покормит, а там уже и я вернусь,– Мишка заканчивал техникум, и сейчас проходил производственную практику. Уже и армия не за горами.

– Тоже в последнее время задумываюсь завести себе котёнка. Кирилл как уехал учиться, я же всё время одна, даже порой поговорить не с кем,– вздохнула Галина.– Те два часа каждый вечер, что мы с тобой болтаем по телефону, не считаются!

– Да-да! – рассмеялась Лена. – Я недавно читала в каком-то журнале, что с возрастом людей настигает старческая деменция, и особенно к этому недугу склонны женщины. Так вот, врачи заметили одну особенность: если женщина много общается, болтает, читает, тогда ей либо совсем не грозит погрузиться в пучины безумия, либо...

– Она успевает умереть от старости до этого момента,– перебила Галина. – Получается, что наш с тобой ежевечерний телефонный ритуал...

– Профилактика деменции!– закончила фразу подруга. – Так что не переживай, ни от одиночества, ни от чего другого гибель нам не грозит. Тем более, что может случиться с человеком в таком тихом и спокойном месте?

Главной достопримечательностью «Таёжного» был кедровый парк, который занимал практически всю территорию. В конце лета здесь был настоящий ореховый бум – шишки падали прямо под ноги отдыхающим и каждый мог полакомиться этим чудом природы, богатым витаминами и целебной силой. Зимой и весной оставалось только вдыхать смолистый запах.

Галина решила прогуляться на свежем воздухе. И заодно покурить. При Борисовой это было невозможно – сразу начнётся лекция о вреде никотина, мёртвых лошадях и страшных болезнях, поэтому лучше уж предаться вредной привычке подальше от придирчивых глаз. Галина закурила сигарету с фильтром и пошла по хорошо прочищенной дорожке вглубь кедровой аллеи. Летом здесь, наверное, очень красиво. Впрочем, и сейчас, когда в городе снег из белого пушистого покрывала превратился в грязную корку, здесь всё чисто и свежо. Ксюху бы ещё сюда... Ксюша Орлова девушка красивая, самостоятельная и далеко не глупая, но слишком уж прямолинейная и упёртая. Ещё один недостаток у неё – подруги, Галина с Еленой. «Борщ». Одним словом, заваришь – не расхлебать. Когда-то и она была такой же – лёгкой на подъём, уверенной, точно знавшей, чего хочет от жизни...

Глава 4. Галина

Галина

Её отца, инженера-строителя, в 1938 году командировали в Сталинск, ныне Новокузнецк. Здесь, по замыслам вождя народов должен был вырасти тот самый город-сад, город-мечта, о котором много говорилось в стихах и песнях. Через год, в конце ноября, на сибирской земле в семье Щербининых родилась старшая дочь, Галина, а ещё через полтора, точно в середине мая ещё две девочки-двойняшки – Женя и Лёля. У них могло бы быть по-настоящему счастливое детство, в окружении любящих родителей, с музыкальными и художественными школами, друзьями и поездками в гости к бабушкам, но всё оказалось перечёркнуто в один день – 22 июня 1941 года...

Да, в Сибири не свистели пули, не взрывались снаряды и не летели с небес бомбы, но все тяготы войны были знакомы здесь каждой семье. Не остались в стороне от этих страшных событий и Щербинины. Отца Галины не призвали повесткой на фронт, он оставался в тылу, налаживая совместно с другими специалистами работу эвакуированных заводов. Учился на ходу, месяцами не бывал дома и практически не видел, как растут его дети. За эти четыре года он постарел на двадцать лет. Мама, по профессии медсестра переселилась в госпиталь, куда бесконечной чередой везли раненых. Таких госпиталей в Сталинске было шесть, персонала катастрофически не хватало и, отдежурив свою смену в одном, медсёстры заступали на новое дежурство туда, где требовалась помощь. Девочки росли на руках бабушки, именно её называя мамой.

Потом война закончилась, но легче не стало – тяжело заболел отец. Бесконечные больницы, уколы, консилиумы. На какое-то время боль отпускала, но потом скручивала его тело с новой силой. Галине едва исполнилось десять, когда отца не стало.

Она помнила себя вечно голодной, худющей, с острыми ключицами и торчащими коленками. Привлекательного в ту пору в ней не было абсолютно ничего, разве что волосы – чёрные, густые и выющиеся крупными кольцами. В школе, а позже и в институте её дразнили цыганкой да она и чувствовала себя именно так, неприкаянная, одинокая и предоставленная сама себе.

Мама пробыла в статусе вдовы всего три года, а потом в их семью вошёл дядя Серёжа, человек спокойный и рассудительный с одной стороны, но властный и не терпящий возражений – с другой. Войну он прошёл интендантом и умел поставить хозяйство на нужные рельсы. В доме начали появляться хорошие продукты, иногда и модные вещи. А ещё он очень любил читать. Библиотека покойного отца, сплошь техническая, начала пополняться совершенно другой литературой, в большинстве – приключенческой. Наверное, именно чтение этих книг и определило будущую профессию Галины: закончив десятилетку, она поступила на исторический факультет. Уж очень ей хотелось приложить руку к раскрытию тайн прошлого. И казалось, что для этого есть все шансы, ведь наступил долгожданный мир.

Студенческие годы были самым счастливым временем, это же молодость. И первая любовь.

В мае она закончила четвёртый курс, и вся была в радостном предвкушении: лучшим студентам летом предстояла настоящая археологическая экспедиция. Жить в палатках, работать в поле под палящим солнцем или проливным дождём, изымать из слоёв земли древние артефакты и удивлять своими находками научное сообщество – разве это не мечта? И она, простая девчонка, будет причастна к этому таинству! Ехать предстояло в Новочеркасск, их, студентов из Сибири, пригласили в качестве помощников ленинградские археологи. Планировалось исследовать малоперспективный на первый взгляд Садовый участок на самой окраине Новочеркасска, за Кобяковым городищем.

С радостью и волнением она садилась в поезд. Мать с отчимом нагрузили её в дорогу продуктами.

– Куда столько? – возмущалась Галина и пыталась втихушку спихнуть обратно очередную авоську с консервами и сухарями.

– Не одна едешь, дорога дальняя, да и на месте на первое время забот знать не будете, – рассуждал дядя Серёжа.

– Мы же не бесплатно работать будем, и не на краю света. Что уж до магазина не добегу, если понадобится?

– А до зарплаты ты чем питаться собираешься? Солнечным светом и космической энергией, как индийские йоги? Не тот уровень у нас, матушка. Сама худющая вон, как воробей, за руку схватишь – порежешься. В общем, не зуди, Галина, бери, что дают и в добрый путь!

Она со смехом обняла широкие плечи мужчины, поцеловала в колючую щёку и принялась закидывать в тамбур вагона родительские подарки.

Ехали весело: пели песни, пили чай, любовались незнакомыми пейзажами за окном. Вечерами играли в карты или читали книги. Двое суток в дороге не показались утомительными для молодых ребят, но вот дальше события начали разворачиваться не по сценарию.

Первого июня Самаре сделали пересадку, до Новочеркасска день пути, но дорога затянулась. Станция Зверево, на которой по расписанию поезд должен был простоять всего две минуты, задержала их почти на сутки. На вопросы пассажиров, когда же, наконец, будет продолжено движение, ответить никто не мог. Лишь позже, по большому секрету, молоденькая проводница с испуганными глазами цвета спелого ореха, прошептала:

– В Новочеркасске восстание рабочих. Введён комендантский час до особого распоряжения. Нужно ждать.

Комендантский час продлился до шестого июня, только потом поезд продолжил следование до станции назначения.

Город буквально утопал в зелени, и внешне ничто не говорило о произошедших здесь событиях: следы погрома убраны, кровь с площади смыта пожарными рукавами, но, казалось, сам воздух пропитан здесь горем и слезами, задерживаться в этих местах не хотелось даже на минуту. К счастью, за студентами приехал заказанный на группу автобус, и они выдвинулись в сторону Кобякова городища.

В этих местах собирались строить винзавод всесоюзного значения, уже и проект был утверждён, и начальник строительства назначен, даже часть техники поступила, но смущал местное руководство небольшой «пупырь», возвышавшийся на территории будущей промплощадки. Его было приказано скрыть, но один из учёных-виноградарей вспомнил, как сто лет назад в этих же местах при строительстве городского водопровода подобный «пупырь» срезали, и оказался он не просто холмиком, а знаменитым золотым курганом Хохлач. Как знать, какой сюрприз готовит в этот раз древняя Донская земля? «Наверху» решили – подключить к делу археологов, мало ли что. Так и оказались здесь Галина и её однокурсники.

Пока расположились лагерем, наметили план предстоящих работ, распределили обязанности, студенты-историки перезнакомились со студентами-авиаторами из Самары, которые приехали сюда в составе строительного отряда.

– Юрий, – высокий широкоплечий парень протянул руку и взглянул ей прямо в глаза из-под русой чёлки.

– Галина, – тихо ответила она и почувствовала, как заколотилось сердце.

Такого количества ярких впечатлений она в своей жизни больше не помнила. Маленький «пупырь» получивший имя Садовый, как оказалось, таил в себе настоящие сокровища: серебряные чаши, сосуды для вина, золотые украшения для боевого коня знатного сармата, множество мелких золотых бляшек. Всё это кропотливо, вручную, изымалось из земли, опи-

сывалось, систематизировалось, чтобы потом отправиться на хранение в Ростов, в местный музей краеведения.

Галина могла часами рассказывать о раскопках, о том, кем были древние сарматы, об их связях с Римской империей, а Юрий лишь обнимал её за плечи и терпеливо слушал. Они практически каждый вечер, после завершения работы, выходили прогуляться. Дневная жара спадала, в траве стрекотали сверчки, небо расстилалось над головой огромным шатром, а созвездия опускались так низко, что до них, казалось, можно было дотронуться рукой. И чудилось, будто сами древние Боги благословляют этих двоих на большую и долгую счастливую жизнь.

Домой девушка вернулась с отличной характеристикой, темой для научно-исследовательской работы и на третьем месяце беременности. Юра уехал домой чуть раньше, оставив ей свой адрес до востребования, твёрдое обещание писать и заверения, что они обязательно будут вместе, как только он разберётся с мелкими и крупными бытовыми вопросами, которые смогут им помешать в дальнейшем.

Она никому ничего не сказала о своём положении, но мать, медик в третьем поколении, вычислила её на раз.

– Завтра же собираешься, идёшь со мной в поликлинику. Я договорюсь о направлении, и мы уладим это дело.

– Нет, я ничего такого делать не буду! – заупрямилась Галина.

– «Такого» ты уже наделала, а теперь это нужно исправить,– настаивала женщина.

– Мама, я не пойду на это, не убью своего ребёнка!

– Тогда ты убьёшь всех нас. И себя, в первую очередь. Институт, профессия, репутация семьи – всё пойдёт прахом. Чем ты думала, когда шарилась по кустам с этим прохвостом?

– Он не прохвост, а хороший и честный парень. Мы договорились, что я напишу ему, когда удобно будет приехать, чтобы познакомиться с семьёй и подать заявление в ЗАГС. Он любит меня, мама. А я его. И у нас будет ребёнок.

– Не у вас, а у нас будет ребёнок! – мать буквально заметалась по комнате, в которой они разговаривали. – Неужели ты думаешь, что получив своё, он потащится за добавкой? Сюда, на край света? Живя вблизи столицы с модными дамочками на улицах? Если так, то ты просто нереальная дура! Подумай до утра, а потом идём.

– Я никуда не пойду! Это моё последнее слово!

– Ну что ж,– после длительного молчания заговорила мать. Голос её был твёрд, хотя губы дрожали и лицо побледнело. – В этом случае на нашу помощь можешь не рассчитывать. На моей шее ещё две твои младшие сестры, которые тоже учатся и нуждаются в поддержке. Незапланированные родственники мне не по карману. Если ты настолько взрослая, что готова самостоятельно принимать такие решения, значит, у тебя достаточно ума, чтобы подумать о последствиях. Разговор окончен, не вижу смысла сотрясать воздух.

Мать вышла, оставив её одну. За окном шуршали по асфальту машины, звенели трамваи, куда-то спешили люди. А Галина просто сидела на краешке стула. Мыслей в голове было великое множество, только вот собрать их воедино и разложить по полочкам, как она это обычно делала, сейчас не получалось. Как ни печально осознавать, но мать права – Юра больше никогда не появится в её жизни, это и понятно. Что за адрес "до востребования"? Хотел бы, сразу поехал с ней. Сама она разыскивать его не будет, славить через комсомольские организации и деканат – тоже. Что сделано, то сделано. Наверное, будет непросто, может быть, даже трудно, но нельзя падать духом, никогда, ни при каких обстоятельствах.

На следующий день девушка написала заявление о переводе на заочное отделение. За неделю нашла работу, устроившись уборщицей на химкомбинат, и сняла комнату в частном доме не далеко от предприятия. Из плюсов этой работы было то, что у комбината был свой детский сад с круглосуточными группами и яслями, и при наличии ребёнка можно было рас-

считывать на комнату в семейном общежитии в течение трёх ближайших лет. Институт она была твёрдо намерена закончить.

За всё время мать не проронила ни слова, будто отгородившись от грядущего семейного позора непробиваемой каменной стеной.

Два года спустя, с дипломом и маленьким Кирюшкой на руках Галина постучала в дверь кабинета начальника РММ...

С родственниками отношения постепенно наладились, спасибо за это надо было сказать отчиму, но прежнего тепла между матерью и дочерью уже не было. Потом родителей не стало одного за другим, сёстры разъехались и только открытки к праздникам связывают их. Как и с сыном сейчас, ставшим совсем взрослым и самостоятельным до невозможности.

Прокручивая в голове картинки из своей жизни, Галина в задумчивости дошла почти до конца тропинки, как неожиданно перед ней, словно из-под земли, появился здоровенный мужик, в куртке нараспашку, без шапки и с двумя бутылками мутноватой жидкости в руках.

– Что б тебя! – опешила женщина,– ты откуда взялся?

– Тсс,– зашипел в ответ мужичок,– не пали' малину, мать. Тут в заборе есть хорошая такая лазейка, глазу и руководству местному не заметная, мы в неё ныряем по необходимости. Посёлок недалече, всё для души в круглосуточном режиме,– он потряс стеклотарой перед лицом женщины. – «Большой самогонный путь» Ты уж никому, ладно, мать? А то начальство нам быстро связь с миром обрежет.

– Ладно уж, иди,– Галина, наконец, смогла выдохнуть. – Сынок.

– Где тебя носит? Я уже волноваться начала,– Лена сидела перед телевизором и попивала чай с шоколадкой. – Сегодня музыкальный вечер в столовке, пойдём? Чего в номере торчать? А завтра в бассейн ходим, в сауну, можно и в спортзал.

– Я бы на массаж с удовольствием сходила,– Галина сняла куртку и переобулась в тапочки, – но два дня для этого маловато. Ты профорг, вот и позаботься о санкурлечении для коллеги.

– Коллега, на танцы идём? Попрыгаешь в ритме диско, и массаж не понадобится.

– Это точно, зато без консультации травматолога, кардиолога и психиатра будет уже не обойтись!

Тем ни менее, на вечер отдыха решено было пойти, пусть не себя показать, так хоть на других поглазеть.

Музыкальная вечеринка для отдыхающих напоминала собой школьную дискотеку: зеркальный шар над головой, огни цветомузыки и лихие ритмы «Вассага» и «Boney M». Обеденные столы были сдвинуты к стене и оформлены в виде импровизированного бара, на котором стояли гранёные стаканы и кувшины с соком и водой. Впрочем, в сторону этой барной стойки никто и не глядел, отдыхающие, в основном пенсионеры (в это время года их обычно составляющее большинство), самозабвенно отплясывали на площадке. Елена с Галиной уселись в сторонке, подальше от оглушающе орущей колонки и огляделись по сторонам. Собралось человек пятьдесят возрастной категории «кому за 60», наблюдать за ними и забавно, и приятно. Люди действительно умеют отдыхать! Они радуются, говорят друг другу комплименты, приглашают на танец.

– Смотри, соседка наша снизошла до общества,– громко зашипела Галина в ухо подруге.

И правда, немного в стороне от всех, у самого входа, стояла «Королева Марго». Одета она была так же, как и утром – в джинсы и рубашку, но сменила сапожки на кроссовки, а невестомый газовый платочек на широкий вязаный шарф. Женщина спокойно оглядела танцующую публику и присела на свободный стул. Было заметно, что такие развлечения не по ней, пришла просто потому, что не знает, чем себя занять вечером. Увидев, что соседка внимательно их

рассматривает, Лена помахала ей рукой. Та в ответ едва заметно улыбнулась, кивнула и отвела взгляд.

Потом подруг пригласили на один танец, другой, третий и они потеряли свою новую знакомую (точнее, полужнакомую) из вида. Примерно через час в музыкальной программе наступил перерыв. К огромной радости собравшихся, один из отдыхающих вытащил из чехла баян. Танцевальный вечер тут же перешёл в песенный.

– Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю...

Невысокая черноглазая женщина с седой прядью в волосах запела громким сильным голосом. Остальные тут же подхватили любимую песню. Лена оглянулась в поисках «Королевы Марго», но не увидела её в полумраке зала. Наверное, вернулась к себе, что ей делать среди простых смертных? Танцевать она не стала, это точно, её высокую статную фигуру не перепутаешь, баян тем более был ей не интересен. Это развлечение для них, простых деревенских девчонок, ставших однажды городскими, но в душе сохранившими воспоминания о деревянном домике с некрашеными полами, жаркой русской печи да песнях под гармонь за околицей. Ностальгия...

Непрошенные слезинки тут же повисли на ресницах, грозя размазать тщательно нанесённую на них тушь. Лена аккуратно смахнула их пальцами и в следующую минуту уже голосила вместе со всеми: «Ивушки вы, ивушки...»

В свой номер подруги вернулись далеко за полночь, даже, можно сказать, почти под утро. В их крыле было темно, стояла тишина и только через приоткрытую дверь «номера повышенной комфортности» пробивался мерцающий голубой огонёк включенного без звука телевизора. Что там можно увидеть в это время? Трансляция давно закончилась. Уснула, видать, соседка за просмотром вечернего кино. Что ж, спокойной ночи, «Королева Марго», приятных снов!

Глава 5. Тревожное утро

Тревожное утро

Они проснулись от громкого стука в дверь, обе взъерошенные и злые. Судя по часам на стене, просле вчерашней дискотеки поспать удалось всего каких-то три с чем-то часа.

– Чего надо? – Елена набросила халат и босиком прошлёпала до двери.

– Милиция, откройте.

– Минутку,– женщина ладошкой пригладила волосы и завязала пояс халата. Дверь распахнулась.

– Работает следственная группа, просим вас помочь нам в качестве понятых.

– Хорошо, но прошу у вас буквально две минуты, хотя бы причесаться,– Борисова умоляюще посмотрела на молодого милиционера, совсем ещё мальчишку.

– Потом в номер-«люкс» пройдите, пожалуйста,– спокойно ответил он и ушёл.

Лена кинулась к зеркалу наводить марафет.

– Ну, ты чего расселась? – зашипела она на подругу,– давай, собирайся быстрее! Там у Марго что-то случилось, по ходу обокрали Её Величество. Нас приглашают понятыми побыть.

– Блин, никто другой им не попался, что ли? – Галина нехотя притопала к зеркалу и взглянула на своё отражение. – Боже! Я такая не пойду!

– Пойдёшь, и рядом будешь стоять с умным лицом! – спорить было бесполезно. Галина со вздохом надела свой любимый байковый халат.

Они осторожно прошли в соседний номер. Возле входа стояли любопытные женщины, внутри размеренно и без суеты работали люди. В первой же комнате, на краешке дивана сидел молодой человек лет тридцати пяти. Отглаженные до остроты стрелки на брюках, начищенные ботинки, галстук – всё говорило о том, что перед ними деловой мужчина, а модная стрижка и дорогой одеколон подсказывали: «Я ещё и любимчик дам!» Правда, сейчас «любимчик» имел весьма бледный во всех смыслах вид. Пот катил по его лицу крупными каплями, кадык судорожно перекачивался на шее. Казалось, ещё мгновение и холёного щёголя вырвет прямо на светло-бежевый ковёр под ногами. Он изо всех сил старался сдержать дрожь в руках и отводил глаза от входа в спальню. Рядом с молодым человеком сидел тот самый милиционер, попросивший Елену о помощи, и что-то быстро записывал в специальном бланке.

Жиличка «люкса» лежала на полу возле огромной кровати, застеленной красивым гобеленовым покрывалом. «Королева Марго» была мертва. Настолько, насколько бездыханен был стул или сваленная в углу одежда, из которой соседка практически не вылезала в день своего приезда. Раскиданные по сторонам руки, багровое лицо, прикрытое тёмными волосами, белая пена кружев, распахнувшаяся на животе и голубая лента вокруг шеи. Клочок такой же ткани виднелся на ручке двери, ведущей в санузел. Криминалист несколько раз щёлкнул его фотоаппаратом, а затем аккуратно срезал скальпелем, чтобы сохранить узел. Елена, стоявшая всего в паре шагов, успела обратить внимание на его необычность. Похожие узлы, не факт, конечно, что именно такие же, она видела, когда водила сына в кружок юных спелеологов.

Она осмотрелась по сторонам, потому что вдруг почувствовала неприятное першение в горле. В комнате витал еле уловимый запах каких-то сладостей или пряностей. Даже, наверное, перезрелых фруктов. Впрочем, на столике у окна никаких фруктов не наблюдалось.

– Кого я вижу! – Неожиданно раздался за спиной приглушённый голос. – Какого лешего вы здесь делаете? – Оглянувшись, женщина лицом к лицу столкнулись с молодым мужчиной в штатском. Алексей Потапов, племянник старинного друга Елены. Более чем друга. Лёша, которого она знала ещё совсем пацаном, и не видела много лет. Надо же, теперь он – опер, наверное, такой же хороший, как его дядя. Как Андрей...

– Спокойно, Алексей, не нужно паники,– Борисова постаралась взять себя в руки и тоже перешла на полусшёпот. – Мы совершенно не при делах, ваш сотрудник пригласил нас с Галей. Кстати, познакомьтесь. Это Галина, моя подруга и коллега по работе. А это Алексей... Эээ... Не помню отчества... Мой хороший знакомый.

– Конечно, кто же ещё мог оказаться по соседству! – Опер лишь кивнул Галине.

– Лёш, давай поругаемся чуть позже,– Борисова вытянула шею и посмотрела через плечо мужчины. – Что случилось-то?

– Судя по звонку в дежурную часть – самоубийство,– съехидничал Потапов. Лена посмотрела на него долгим укоризненным взглядом. Алексей слегка смутился. – Утром тело гражданки Нифонтовой Эльвиры Михайловны, 1932-го года рождения, заведующей универсамом «Силуэт», обнаружил её заместитель. Он вернулся из командировки и приехал забрать начальницу из санатория. У них это было договорено заранее. Дверь была открыта, но это его несколько не смутило почему-то. Вошёл и увидел, что она сидит с удавкой на шее, другой конец которой был привязан к ручке двери ванной комнаты. Это так, вкратце. А теперь пошли, пора работать.

– Я могу тебе про дверь кое-что сказать,– Лена не стала проходить в комнату дальше дверного пролёта, чтобы не мешать оперативникам. – «Королева Марго» двери почему-то не закрывала. Я обратила на это внимание.

– Интересно,– Алексей почесал переносицу. – А почему Марго? Её же Эльвирой звали.

– Мы окрестили. Знакомиться с нами дама не желала, нос воротила. Не с того мы поля ягодки. Так и получила прозвище. Насчёт двери я тебе точно говорю. Почему-то этот момент мне запомнился. Даже ночью, когда мы с танцев возвращались, у неё дверь приоткрыта была и телевизор работал. Тут свет не горел. И не надо ухмыляться! Да, с танцев! Ничего ужасного в этом не вижу. А что было в коридоре? Лампочки перегорели все разом?

– Да, короткое замыкание случилось, сейчас устраняют,– объяснил Потапов. – Как нам поведало руководство, здесь, в этом крыле, отдыхают люди особые, и им очень не нравится, когда за ними присматривают без нужды. А вы разве не в курсе? Тоже ведь в категории, как говорят на загнивающем Западе – «ВИПов». То бишь – «особо важных персон».

– Чего? Какие мы с Галкой «ВИПы»,– отмахнулась Лена. – И вообще... На мой взгляд бедновато тут для таких людей, как Марго. Почему ни Ялта, ни Анапа, ни Сочи, в конце концов? Обычный загородный санаторий маленького провинциального городка. Не понимаю...

– Почему же вы не в Анапе? – снова усмехнулся Алексей.

– Это ты у Михалыча нашего спроси, как так получилось, что лучшие люди коллектива не у морюшка ножки греют, а по сугробам за белками прыгают?

Осмотр места происшествия между тем шёл полным ходом. Беспреданно щёлкал фотоаппарат со вспышкой, люди переговаривались между собой. Елена невольно прислушивалась к их разговору.

– Если б моя Маринка такой костюмчик придела, я б её неделю из койки не выпускал,– заявил один из оперов, осматривая тело Эльвиры. – «Маде ин Италу́». Это где ж такое? – он держал пальцами тряпочную бирку от кружевных панталончиков пеньюара, которая торчала в районе пупка убитой.

– Двойка тебе, Шишкин, по английскому языку. «Италу́»,– рассмеялся другой,– Италия это, дружище, Италия. И стоит такое кружевное чудо у спекулянтов примерно пять твоих зарплат, ну, может, чуть поменьше. Если ты своей Маринке надумаешь такое купить, то экономить придётся жёстко – ни есть, ни пить, ни курить, и тогда уж сил на койку точно не останется.

– Записывай дальше, Сергеич: «Предварительно: удушение совершено при помощи пояса от болоньевого плаща-пальто или куртки голубого цвета. Данного предмета одежды в гардеробе погибшей не обнаружено. Судя по цвету ткани, пальто женское или детское, подростковое»...

– Да баба из-за мужика в петлю полезла, как пить дать,– громким шёпотом пробубнила полногрудая женщина в сером форменном халате, скорее всего – горничная.

Стоявшая рядом с ней бледная моложавая дама с высокой причёской и стройными бёдрами в тесно облегающей юбке сочувственно покачала головой.

– Нарядилась, напудрилась вся, ясное дело, что для хахаля старалась, а он, скорее всего, послал её куда подальше и не явился. Ни или приехал под покровом ночи и послал. Не девочка уже, в таком возрасте любовь – вещь серьёзная, – продолжала горничная.

– У нас каждый суслик – агроном, а в данном случае – гений сыска,– пресёк посторонние разговоры Потапов,– вот только выводы давайте отложим до того момента, как эксперты свой вердикт вынесут.

– Алексей,– тихо окликнула Борисова,– можно вопрос?

– Что? – он не любил, когда его отвлекали. Да и прокурорский следователь наблюдает за работой группы, упустишь что-нибудь важное – голову оторвёт.

– Мне просто интересно, что может заставить такую женщину, как Марго... В смысле, Эльвиру... Что может заставить её залезть в петлю? Она красивая, явно не бедная, на хорошей должности... Может, болела чем или на работе проблемы серьёзные? Меня пояс этот смущает. Он здесь валялся или она его с собой привезла? Зачем? Специально для этой цели? Или хотела указать таким образом на человека, который её привёл к этому шагу? На какую-то женщину, получается. При этом Эльвира далеко не Дюймовочка, с такой не каждая женщина физически совладеет, если решится на убийство.

– Как много вопросов и мало ответов. Что до убийства... Ну, преступницы тоже порой не мелкие попадаются. Помнишь Таньку-«Паровоз», про которую дядя говорил? Там рука, как кузнечный молот и нога сорок третьего размера.

– Танька душить бы не стала, треснула в лоб и прощай! Да и не была она преступницей, скорее уж добровольный помощник милиции.

Татьяна Грушко, прозванная «Паровозом», трудилась в котельной на одной из шахт. Как-то по зиме возвращалась она с работы, а идти надо было через пустырь. Темно, мороз, вдруг сзади кто-то с силой толкнул её в спину и навалился сверху. Женщина сразу поняла намерения нападавшего. Хотела было закричать, да от испуга голос пропал. Лежит она, уткнувшись носом в снег и чувствует, как пыхтит и матерится над ней мужичок. Одета-то была в толстую фуфайку и такие же ватные штаны. Насильник, возжаждавший женского тела, всё никак не мог до него добраться.

Через пять минут пыл мужичка начал ослабевать, вот тут Татьяна и решилась на сопротивление. Она перевернулась на спину и увидела, что «орудие» преступления давно уже извлечено злодеем на свет божий, и изрядно подмёрзло за время возни. Женщина закричала диким, прорезавшимся вдруг, голосом и изо всех сил схватила мужичка за это самое «орудие». Дальше начинался анекдот.

– Представляете, открывается дверь в дежурной части, заходит внушительная такая бабенция и громогласно говорит: «Меня насильничать хотели». «Кто?»– спрашиваем. «Он»,– отвечает и выдергивает из-за спины мужика. Тот стоит, поскуливает, но не дрыгается. Оказывается, держит она его за самое причинное место. Так и привела в милицию. Руку еле разжали,– со смехом рассказывал Андрей Потапов. – Потом выяснили, что у мужичка этого чуть не полтора десятка эпизодов, хорошо, что без трупов обошлось.

А Татьяне Грушко, говорят, грамоту дали за помощь в задержании опасного преступника и ценный подарок – хрустальную вазу. Правда, вручать награду отправили женщину, начальника инспекции по делам несовершеннолетних. Высокое начальство мужского пола присутствовать на торжестве не рискнуло.

Андрей... Сколько лет прошло, сейчас уже племянник примерно того же возраста, как и он тогда... А она, Елена, даже старше... «Спи спокойно, родной. Земля тебе пухом»...

Тем временем Галина пыталась напоить успокоительными каплями заместителя погибшей. Им оказался тот самый молодой мужчина, которого подруги увидели при входе в номер. Он продолжал сидеть, неподвижно уставившись в одну точку.

– Выпейте лекарство, пожалуйста,– женщина тихим, но настойчивым голосом пыталась вывести молодого человека из ступора и заодно повнимательнее рассмотреть его. – Вас как зовут?

– Вадим. Третьяков. Спасибо,– он осторожно отстранил предложенный стакан и в упор посмотрел на Галину. – Я с Эльвирой Михайловной шесть лет работаю. Мы договорились, что я приеду в это время. Вернулся из командировки, сразу взял такси, помчался за ней. А тут... Времени в обрез, ехать надо, причём уже давно. У нас предстоит учёт, люди ждут, не хотелось бы их подводить, они же не виноваты. Может, можно будет договориться, чтобы меня попозже вызвали в управление?

– Я эти вопросы не решаю, вам с сотрудниками милиции нужно переговорить, они подскажут, к кому обратиться. Скажите, а почему ваша начальница выбрала именно это место для отдыха? Наверное, она могла позволить себе что-то гораздо привлекательнее.

– Именно из-за предстоящего учёта. Эльвира Михайловна очень ответственно относится... относилась... к документации, любила всё держать под контролем. Здесь, между прочим, очень хорошее лечение для тех, у кого проблемы со спиной. Она иногда проходила курс массажа или лечебной физкультуры именно в этом санатории, если обострялась невралгия, а уехать не было возможности.

– Простите за назойливость, но мы все заметили, что она не закрывала дверь в номер...

– Да, было такое,– мужчина сжал ладони и уставился на сцепленные пальцы. Они были длинными, сильными и ухоженными. – Эльвира боялась закрытых дверей. Никогда не пользовалась лифтом, в больших городах не спускалась в метро. Даже дома в квартире дверь днём на цепочке держала. У неё и на работе вечно всё нараспашку. Забыл, как это называется, в общем, боязнь замкнутого пространства. Всё,– он, наконец, поднялся. Галина отметила высокий рост собеседника и широкие плечи. – Мне нужно идти. Хлопоты предстоят не самые приятные, но кроме меня ими заняться некому.

– Она была одинока?

– Официально нет. Муж умер лет десять назад, есть сын. Но... Там всё сложно... Он человек проблемный, непростой. Так что, других вариантов просто нет. Кстати, не подскажете, откуда здесь можно позвонить? Моё такси давно уехало, – обратился он к одному из мужчин в форме. Тот показал рукой в направлении старшего.

Третьяков, переговорив с оперативниками, ушёл, а Галина продолжала задумчиво держать в руках стакан с лекарством. Ей было от души жаль «Королеву Марго»...

Путёвка выходного дня истекает в семь часов вечера, поэтому можно с чистой совестью нарушить правила внутреннего распорядка. Галина и Елена сидели за столиком в своем номере и попивали заранее припасённый и доставленный контрабандой к месту отдыха коньяк. В воздухе витал аромат лимонной цедры и шоколада. Терпкая жидкость в бутылке тёмного стекла приближалась к половине.

– Что у нас есть? Очень немного – мы знаем имя погибшей, сферу её деятельности, то, что у неё есть сын с проблемами, скорее всего, имеется любовник. Как ни трудно это признавать нам, женщинам, но она была хоть и не молода, но достаточно привлекательна, да и бельишко такое только для себя не покупают. Она боялась замкнутого пространства, поэтому не запирала двери. Вроде бы всё. Конечно, у милиции данных в разы больше, но вряд ли с нами кто-либо

поделится. Даже от Потапова не стоит ждать такой милости. – Борисова отхлебнула из чайной чашки и сморщила нос. Долька раздобытого через администратора санатория лимона помогла восстановить дыхание.

– Ты ведь не веришь в то, что Эльвира сама лишила себя жизни,– Галина смотрела прямо в лицо подруге. – Почему?

– Не знаю,– Борисова в задумчивости постукивала ногтями по столу,– но что-то меня смутило в момент осмотра места происшествия. Вот прям скребётся где-то внутри сомнение, нащёптывает, вспоминай, мол, что ты там такого необычного видела или слышала. Но пока глухо. А ведь было, было...

– Интересно, что подразумевалось под проблемами у сына Марго – наркотики, алкоголь, психическое заболевание? – Щербинина откусила кусочек от шоколадной конфеты. – Жаль, что наша Марго-Эльвира не отличалась общительностью.

– Да, ты права. Не помешало бы узнать о ней хоть чуточку побольше. И сделать это можно только в одном месте – в её магазине. Нам туда соваться не стоит, заместитель госпожи Нифонтовой нас видел. Поднимет волну и тогда Потапов изнасилует наши мозги в извращённой форме.

– Кстати, а почему твой знакомый так тебя не любит? – поинтересовалась Галина. – Я просто физически ощутила от него волну неприязни в твою сторону. Ты вместо него дело раскрыла или в суде лжесвидетельствовала?

– Это история старинная, рассказывать долго, да и не хочется мне сейчас всё это ворошить, – отмахнулась Лена. – Давай лучше подумаем, как нам незаметно совершить вылазку туда, где нас не ждут?

– Но ведь у нас есть Ксюша! – Галина хитро подмигнула и налила ещё по глоточку коньяка в чайные чашки.

Борисовой эта идея явно понравилась.

– Я позвоню, у неё есть домашний телефон на съёмной квартире. Дай две копейки, пойду к автомату, не буду от дежурной звонить, нам лишние уши ни к чему. – Лена, покопавшись в сумке, извлекла на свет изрядно потрёпанную записную книжку, взяла у подруги мелочь и вышла за дверь.

Глава 6. Елена

Вечером, когда Мишка удрал с друзьями в кино, Лена достала с верхней полки книжного стеллажа толстый альбом в красном бархатном переплёте. Словно сомневаясь, она некоторое время подержала его в руках, а потом уселась на диван и принялась листать плотные картонные страницы. С выцветших от времени чёрно-белых фотографий на неё смотрели знакомые до боли лица: родители, совсем ещё юные, бабушка с дедом – такие серьёзные, в необычной одежде. Вот здесь родители уже постарше, совсем скоро папы не станет и мама до конца своих дней останется верна его памяти. Одна будет поднимать четверых детей, а к ней, самой младшей, переедет после долгих уговоров, чтобы тихо закончить свои дни. Деревенские подруги – чумазые, с тонкими косичками, в простых ситцевых платьях в горошек... Где вы сейчас? Как сложилась ваша жизнь? А это она, Елена. Эту фотографию сделали для школьного стенда «Наши лучшие ученики». Фотограф приезжал из самого райцентра, долго приглаживал её непослушные светлые кудряшки, а потом оставил всё, как есть. Серьёзные глаза, длинная шея и облако из кудрей на голове.

Здесь ей шестнадцать. Позади деревенская восьмилетка и она собирается перебраться в райцентр, чтобы там закончить среднюю школу. Это очень важно, ведь девчонка намерена поступать в университет! Ни у кого из семьи больше не было подобных амбиций: старшая сестра с ранних лет работала на ферме в родном колхозе, братья освоили трактора и комбайны, и только Елене не сиделось на месте. А тут ещё деревенский киномеханик повадился привозить в клуб «кино про милиционеров». Сначала девочка просто увлеклась сюжетом, а потом уже стала делать робкие попытки разгадать тайну, взглянуть на неё глазами следователя. Так и был сделан выбор профессии. Решено, она станет юристом.

Школу Лена закончила с серебряной медалью, на реверсе которой по кругу было написано «За отличные успехи и примерное поведение». Дома её от души поздравили родные и проводили во взрослую жизнь, вручив 200 рублей – огромные для деревни деньги. И она не подвела. Поступила с первой попытки и погрузилась в тонкости и путаницу будущего дела всей жизни.

Проучившись три года, повзрослела и поняла, что со своим характером и темпераментом лучше выбрать более чёткое направление и поэтому, посоветовавшись с преподавателями, девушка перешла на гражданско-правовое отделение. Профиль предполагал огромный спектр применения молодого специалиста в профессии. Можно было остаться в области или вернуться в родные места, дело нашлось бы обязательно. На учебной практике Лена поработала помощником юриста на химическом заводе, посидела в юридической консультации, освоила работу секретаря судебного заседания, а на преддипломную однокурсница позвала её в свой город – совсем ещё юный в то время Междугорск. Там согласились помочь будущим юристам все местные нотариусы – целых двое.

– Поживёшь у нас, дом большой, у меня своя комната, разместимся,– уговаривала её Зойка Лаврова, смуглая, черноглазая девушка с длинной толстой косой. Она мечтала сделать себе короткую модную стрижку, но боялась прогневать таким поступком мать и поэтому научилась с ловкостью фокусника крутить у себя на голове высокий «вавилон». Многим девчонкам в общепитии эта идея пришлась по душе и к Зойке на парикмахерские услуги начали выстраиваться целые очереди.

– Скучновато тебе будет бумажной работой заниматься, но и эту сторону нашей профессии ты тоже должна знать. Мало ли что, в жизни пригодится,– напутствовала её куратор группы, Ольга Витальевна, женщина, похожая чем-то на преподавательниц гимназии с картинок в учебниках: гладкая причёска– волосок к волоску, круглые очки в тонкой оправе и брошь под высоким воротником блузки.– Помни важные правила: на работу ты должна всегда являться

вовремя, ни секунды опозданий. И никаких личных звонков от друзей и поклонников! Всё. Иди, как говорится – с богом!

Решили, что руководить практикой Лены будет Руденко Пелагея Прокладиевна.

– Отчество выучи, чтоб от зубов отлетало. Я много о ней узнала. Ей уже хорошо за шестьдесят, но ты на это не смотри – говорят, с головой там полный порядок, да и молодёжь она любит, очень интересуется всем, что с нами связано, – тараторила Зойка в поезде, когда они ехали в Междугорск. Себе же в наставники красotka наметила второго специалиста и категорически пресекала все попытки подружки «поменяться». Лишь позже Лена поняла, в чём тут дело: этим специалистом был мужчина, немного за сорок и, как оказалось, не связанный семейными узами. Зойка, невзирая на существенную разницу в возрасте, готовилась подстрелить своими чёрными глазами этого вполне аппетитного зайца.

– Тебе не стыдно? – пыталась взывать к её совести Лена. – Ты же комсомолка! Тебе нужно о будущем думать, расти в профессии, обществу помогать. А ты решила загубить свою молодость рядом с каким-то старым гусем?

– Дурочка ты, Ленуська, – Зойка в ответ лишь хохотала. – Именно о своём будущем я сейчас и думаю. А старый так что? Не в суп же его класть! Крепче любить будет молодую жену. По-моему, если комсомолка, так должна непременно с гегемоном отношения строить? Вот ещё! С таким увальнем ни поговорить, ни потанцевать, да ещё вечно дым папиросный нюхать. Терпеть не могу, когда табачищем разит. Интеллигентный мужчина совсем другое дело, вот увидишь! И фамилия какая, ты только вслушайся – Кошечкин!

На следующий день после приезда подружки пошли с направлениями на практику к своим наставникам. Первым на маршруте был как раз интеллигентный мужчина, мечта Зойкиной жизни.

Кабинет нотариуса Кошечкина располагался на первом этаже пятиэтажного кирпичного дома, совсем недавно построенного для проживания семей железнодорожников. Он и находился через дорогу от здания железнодорожного вокзала. В этом же доме соседствовали почтовое отделение, булочная и аптека.

На окрашенной синей, как и панели в подъезде, краской двери висела табличка «Нотариус Кошечкин В.И. Расписание работы...». Девушки постучали и, получив одобрительное «войдите», потянули за ручку. Дверь оказалось двойной, но даже сквозь это препятствие в нос посетительницам ударил ядрёный запах крепкого табака. Зойка сморщила нос, а Лена тихонько хихикнула.

Имя товарищ Кошечкин носил необыкновенное – Виленор, как оказалось, производное от фразы «Владимир Ильич Ленин – отец революции». Что ж поделать, на заре Советской власти порой и похлеще детей нарекали, достаточно вспомнить ту же Даздраперму, например. Сам мужчина, сидевший за потёртым массивным столом, был моложав, но рыхловат. Он носил очки, усы и лысину, а тёмно-синий пиджак с кожаными заплатками на локтях, казалось, жил отдельно от хозяина, настолько он не гармонировал с толстыми хомячьими щёчками и круглыми крабьими глазками. А вот голос у Виленора Ивановича был очень приятный – бархатистый, обволакивающий, с лёгкой хрипотцой курящего человека. Когда мужчина начинал говорить, его внешность сразу уходила на второй план.

Лена посидела с подругой ещё несколько минут, а потом попрощалась, сославшись на то, что её тоже ждут для прохождения практики. Кабинет её руководителя находился в самом центре активно застраивающегося Междугорска.

Пелагея Прокладиевна и в самом деле была женщиной весьма интересной. Статная, с ярко-голубыми глазами и подкрашенными губами она казалась выше своего роста, благодаря волосам, которые были выбелены гидроперитом и уложены пышным валиком. Дополняли портрет ухоженные руки с маникюром и белая блузка с воротником-бантом. Если бы кто-то

сказал, что этой женщине недавно исполнилось шестьдесят семь, Лена ни за что бы не поверила, даже заметив сеть мелких морщинок на её лице.

– Здравствуйте, девушка,– она протянула руку и крепко сжала ладонь практикантки. – Я очень рада, что в университете не забывают такую старую калошу как я и периодически дают мне возможность почувствовать себя нужной. Что ж вы стоите, как не родная? Проходите, присаживайтесь вот за этот стол, на период практики здесь будет ваше рабочее место.

Стол, за которым предстояло трудиться молодой помощнице, с добротной немецкой пишущей машинкой «Рейнметалл» в центре, был приставлен к такому же столу нотариуса буквой «Т» и в небольшом кабинете это было, пожалуй, оптимальным решением. Девушка огляделась по сторонам. Ничего особенного, обычное помещение. Белёные извёсткой стены с выделенными голубой краской панелями, круглый плафон под потолком, массивный телефонный аппарат– чёрный, с громким дребезжащим голосом, напоминавший вредного старикашку. Словно в противовес ему изысканной красотой выделялся письменный прибор на столе Пелагеи. Что-то подобное Лена видела в музее: тяжёлая мраморная подставка с выемкой для перьевой ручки, пара изящных чернильниц на ножках и такая штучка, похожая на печать, пресс-папье, кажется. Впрочем, эти предметы явно были не для украшения интерьера, ими однозначно пользовались. Что здесь ещё интересного? На стене два портрета в деревянных рамах, на одном – Первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв, а на другом – серьёзный, с пронзительным взглядом прищуренных глаз – вождь мирового пролетариата товарищ Ленин. По правую руку от нотариуса прижимается к стене массивный металлический сейф, рядом с ним соседствуют четыре скрипящих деревянный стула со спинками. Слева – длинный стеллаж, заставленный папками, правовой литературой и газетными подшивками. За ним стараниями хозяйки кабинета образовался небольшой закуток, где пряталась печка-голландка. Пару лет назад ею точно пользовались по прямому назначению, но после строительства внутриквартальной котельной все квартиры перешли на центральное отопление. Надобность в печи отпала, однако её решено было не демонтировать, и теперь в нише, застеленной клеёнкой, прекрасно размещались чайник-кофейник с отбитой местами зелёной эмалью, электроплитка со спиралью и три гранёных стакана в ажурных подстаканниках. Чуть выше, на импровизированной полочке, стояли бакалейные товары – чай, сахар и картонная коробочка из-под желейного мармелада, в которой периодически появлялись то развесные конфеты, то домашнее печенье.

Руководителем Пелагея оказалась очень хорошим. У неё был исключительный порядок в архивной картотеке, хранившейся прямо в конторе и во вновь поступавших документах тоже. Основной работой юристов было заверение копий документов, но порой приходилось иметь дело и с наследниками, и с исполнительными документами. От общественной работы специалистов тоже никто не освобождал: необходимо было выезжать в отдалённые сельсоветы и проводить там беседы с населением, различные семинары, доклады, инструктировать сельские администрации. За время практики Елена выезжала таким образом не меньше пяти раз.

За два месяца они уже неплохо узнали друг друга. Лена рассказала женщине о своей семье, жизни в маленькой деревушке и о мечте, которую она всеми силами стремится осуществить. Пелагея поделилась несколькими историями из своей нелёгкой жизни. Оказывается, она не всегда сидела за письменным столом. В войну женщина, будучи раньше рядовым сотрудником НКВД, служила в специальном отряде милиции на Урале. Они выявляли диверсантов, дезертиров, помогали в охране общественного порядка, а также рыли окопы и поднимались в ружьё, если возникала такая необходимость.

– У меня ведь муж и оба сына ушли добровольцами, я для себя решила – не буду сидеть дома, стены охранять, не имею такого права. И тоже пошла в военкомат.

Никто из её мужчин домой не вернулся. Пелагея и ранена была, и контузило её во время взрыва на складе оборонного завода, но тем ни менее, она выжила, а когда вернулась домой,

поняла, что не сможет больше там жить, одна. И уехала в Сибирь. Семьи у неё больше не случилось, но было много друзей, общения хватало с избытком.

Однажды Лена выполняла поручения Пелагеи и вернулась в контору уже под конец рабочего дня. Из кабинета нотариуса, на ходу надевая кепку, выскочил высокий мужчина в коричневом клетчатом пиджаке и белом шейном платке. Он со всей дури толкнул вошедшую девушку, даже не думая извиняться, ринулся к выходу и так сильно хлопнул дверью, что косяки издали жалобный стон. Лена едва удержалась на ногах. В её лицо практически впечатались крупные тяжёлые пуговицы, совсем не подходившие к одежде нахала.

– Шило, валим! – скомандовал он кому-то за дверью.

– Что это было? – испуганно спросила девушка у своей наставницы.

– Ничего особенного, рабочие моменты, – расплывчато ответила та, убирая куда-то в недра своего рабочего стола тоненькую зеленоватую папку из картона. – Домой пора собираться. Проверь, всё ли закрыто, через десять минут на охрану нужно будет ставить контору. Удобная вещь, скажу я тебе! Раньше тут по ночам сидел сторож с винтовкой, а теперь, пожалуйста – технический прогресс. Да и отделение милиции рядом, случись что, через минуту будут на месте.

Единственное окно в их конторе прикрывалось с улицы решёткой, а стеклу крепились датчики, реагирующие на разбитие.

– И все же я больше доверяю моим маленьким защитникам, они-то уж точно никакого хулигана внутрь не пропустят, – посмеялась Пелагея.

На широком подоконнике у неё прекрасно чувствовали себя полтора десятка самых разнообразных кактусов. Женщина самолично ухаживала за колючками, поливала по графику, подкармливала, не доверяя эту миссию никому. Зимой жильцы импровизированной оранжереи дружно уходили в спячку, спрятавшись на самой нижней полке стеллажа, а весной, набравшись сил, возвращались на свой подоконник, чтобы порадовать заботливую хозяйку парой-тройкой нежных цветков.

Происшествие того дня казалось таким незначительным, что Лена быстро забыла о нём. Практика вот-вот должна была подойти к концу, Пелагея уже готовила отчёт и характеристику для своей подопечной. Девушка мечтала, что как только документы будут сданы в деканат, она купит билеты на поезд и съездит к родным в деревню. Маме надо помочь с огородом и сеном для коровы, искупаться в речке, сходить в лес на любимую грибную поляну и просто надышаться пряным деревенским воздухом, набраться сил. Впереди самый ответственный год...

– Сходи, пожалуйста, на почту. Нужно отправить несколько заказных писем и купить пачку конвертов. Не забудь взять приходник, его потом надо будет подклеить в амбарную книгу, – Пелагея посмотрела на Лену поверх очков, чудесным образом державшихся на самом кончике носа. Она с самого утра, не отрываясь, молотила что-то на печатной машинке со скоростью пулемёта. – У меня посетители через час намечаются, не могу оторваться. Так что вся ответственность на тебе.

– Да я и не против, – девушка забрала со стола приготовленные для неё конверты и направилась к выходу. За её спиной снова застрекотали клавиши «Рейнметалла».

До почтового отделения ходу примерно двадцать минут в одну сторону. Лена уже почти дошла до входной двери, как вдруг почувствовала, что один из капроновых чулок осторожно крадётся с бедра вниз. Вот ведь, зараза! Опять застёжка на поясе расстегнулась! Надо в крепление вставить монетку, так надёжнее будет.

Она зашла в туалетную комнату, подняла подол модной клетчатой юбки в складках и со вздохом облегчения обнаружила, что чулок в целости и сохранности, «не пополз». Через минуту одежда была приведена в порядок, и девушка выскочила на улицу, звонко стуча по ступенькам каблучками новеньких туфелек. Погода чудесная, на небе ни облачка, прогуляться в такой день настоящее удовольствие. Она так радовалась возможности вырваться из душного

кабинета, пахнувшего чернилами и бумагой, что не заметила, как буквально следом за ней на крыльцо поднялись двое – давешний посетитель в клетчатом пиджаке и ещё один, коренастый, в рабочей спецовке. Высокий зашёл в контору нотариуса, а коренастый остался на улице, куря папиросу.

Глава 7. Немец и Пелагея

Немец и Пелагея

Лена вернулась на работу примерно через час, слишком много народу толпилось в почтовом отделении. Машинка уже не тарабанила, значит, Пелагея закончила свою срочную работу и сейчас, наверное, копошится в архиве, подшивая в папку очередную бумагу. Девушка открыла дверь кабинета и в ужасе замерла на пороге.

Казалось, что здесь пронёсся ураган: пол был буквально усеян исписанными листами. Стеллаж с папками практически опустел, его содержимое валялось под ногами. Дверца железного сейфа открыта, в ней торчит ключ, на подоконнике не видно привычных кактусов.

– Пелагея Прокладиевна, где вы? – голос Лены невольно задрожал.

Ей никто не ответил, и тогда она осторожно шагнула вовнутрь. Сначала заглянула в импровизированную кухню. Никого. Там даже относительный порядок. Ещё несколько шагов и вот она, Пелагея. Пожилая женщина лежала у окна. Практикантка бросилась к своей наставнице.

– Что с вами? Пелагея Прокладиевна, это я, Лена, посмотрите на меня!

Красивая высокая причёска Пелагеи растрепалась, волосы были измазаны кровью. Только сейчас девушка обратила внимание на пресс-папье, оно лежало тут же, и было сплошь в бурых пятнах. Пелагея еле заметно пошевелилась и попыталась поднять руку, крепко сжатую в кулак. Лена едва успела перехватить её, как та обмякла. В ладони осталась лежать крупная тяжёлая коричневая пуговица.

Через несколько минут в конторе работала милиция. Пелагею с тяжёлой травмой головы увезли в больницу, врачи не давали никаких прогнозов. Лена изо всех сил пыталась взять себя в руки и вдумчиво отвечать на вопросы, которые ей задавали. Оказалось, это гораздо труднее, чем самому кого-то опрашивать. Она заставляла себя вспомнить всё, чему её учили в университете, сопоставляла отдельные слова, моменты, но в голове так шумело, что она даже не всегда понимала, что ей говорят.

– Идите-ка вы домой, девушка, хватит с вас на сегодня,– сказал ей пожилой седовласый мужчина в синем кителе. Значит, этим делом занялась прокуратура. Хорошо, очень хорошо.

– Потапов, Андрей,– это уже вон тому молодому мужчине в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами.– Проводи свидетельницу домой, вручи ей повестку на завтра ну и поговори, может ещё что вспомнит.

Лена сидела в комнате Зойки в полном одиночестве. Подруга в последнее время приходила домой поздно, ссылаясь на загруженность по работе, но там всё было понятно – Виле-нор Кошечкин по-видимому вот-вот поведёт свою практикантку в ЗАГС. Что теперь будет с её, Елены Борисовой, практикой не понятно. Ей рекомендовали всё закончить под руководством Кошечкина, он теперь остался единственным в городе и районе нотариусом. Зойке это точно придётся не по вкусу... Контору Пелагеи Руденко опечатали, целую кипу бумаг вывезли для изучения, даже пишущую машинку забрали. Завтра снова предстоит визит в милицию, и кто знает, сколько этих визитов ещё впереди. Следователь оформил подписку о невыезде, что очень не обрадовало мать Зойки, которая теперь зыркала на постоялицу такими же чёрными, как у дочери, глазами, и, демонстративно гремя посудой, рассказывала домашним «случаи из жизни». Вроде тех, когда у людей вдруг, совершенно неожиданно, всплывало какое-нибудь родовое проклятье, и они начинали сеять вокруг себя смерть, разрушение и прочие катаклизмы вселенского масштаба.

Лена поняла, что ей придётся срочно искать комнату и переезжать, пока гостеприимная хозяйка лично не вышвырнула её на улицу посреди ночи.

Девушка собрала нехитрые пожитки в небольшой чемоданчик и решила немного почистить пиджак, в котором была сегодня. Неожиданно из кармана что-то выпало и запрыгало по деревянному полу. Лена наклонилась. Это была та самая пуговица, переданная ей Пелагеей. По-видимому, на эмоциях она просто автоматически положила пластиковый кругляш в карман и забыла о нём. Как и то, где она уже могла его видеть. А ведь видела, точно видела!

Рано утром, пока в доме все спали, Лена с чемоданчиком в руках тихонько вышла и направилась в сторону рынка, где к этому времени собирались бабульки, торговавшие парным молоком, сметаной и творогом домашнего производства. Продукты девушку не интересовали, она надеялась, что бойкие торговки помогут ей решить квартирный вопрос. И не ошиблась. К началу нового рабочего дня она уже праздновала новоселье: одна из бабулек согласилась выделить угол «такой гарной дивчине» на ближайший месяц и за символическую плату – десять рублей.

По повестке Лена должна была явиться в отделение милиции к одиннадцати часам, она пришла чуть раньше и застала в кабинете только того самого молодого мужчину, что провожал её накануне. Андрей Потапов, кажется.

– Здравствуйте,– нерешительно топталась у двери.– Я узнать хотела, как там Пелагея Прокладиевна, и когда её можно будет навестить?

– Скорее всего – никогда,– он смотрел на неё покрасневшими от бессонной ночи глазами. – Ваша наставница умерла сегодня ночью, не приходя в сознание. Для пожилой женщины удар по голове оказался не совместим с жизнью. Вам водички налить?

Лена неожиданно для себя расплакалась. Настолько ей было жаль Пелагею с её высокой причёской, очками на самом кончике носа и кактусами на подоконнике.

– Спасибо, воды мне не нужно. Я пришла сказать, что у меня поменялся адрес, хозяевам не очень понравилась возможность жить бок о бок с человеком, хоть как-то причастным к убийству. И ещё. Мне нужно передать следователю одну вещь, вчера я забыла о ней. Это пуговица, она была в руке Пелагеи, когда я нашла её.

– И куда я теперь должен пришить вашу пуговицу? – сердито заговорил мужчина. – Вы же юрист, хоть и недоучившийся пока. Вам должны были объяснить элементарное правило поведения на месте преступления – ничего не трогать! Или у вас «неуд» по криминалистике?

– Вообще-то, я не криминалист,– возразила Лена,– и ничего я там не трогала. Пелагея, перед тем, как потерять сознание, пыталась мне это передать. Я засуетилась и положила эту проклятую пуговицу в карман, а вечером нашла. Что же мне теперь, застрелиться?

– Ладно, не шумите,– поморщился он,– сейчас что-нибудь придумаем. Подождите меня здесь.

Оказалось, что ничего сложного нет: опер составил акт передачи вещдока свидетелем, истребовал подпись гражданки Борисовой Елены Валерьевны и двух понятых из числа граждан, сидевших у двери паспортного стола. Пуговица была приобщена к делу.

Лена уже собиралась выходить из кабинета, как натолкнулась на входившего в него мужчину. Она едва успела остановиться, чтобы не удариться лбом о металлическую форменную пуговицу на его кителе. В её голове произошёл взрыв.

– Я вспомнила! Вспомнила! – закричала она.

– Что вы вспомнили? – Андрей Потапов от неожиданности подскочил на месте.

– Где я видела эту пуговицу! – глаза девушки загорелись от возбуждения и Андрей против своей воли залюбовался её милым личиком.

Она в подробностях рассказала о событиях того дня, когда в кабинет Пелагеи заходил мужчина в клетчатом пиджаке. Да, девушка не видела его лица, но хорошо описала рост, телосложение и одежду.

– С ним был ещё один человек. Он ждал на улице, я слышала, как этот высокий сказал что-то вроде: «Идём отсюда, Шило»

– Шило?

– Да, именно так. Я спросила у Пелагеи, что случилось. Видела, что этот длинный не в духе, даже зол, я бы сказала, но она ответила, что просто рабочие моменты.

– Вам этот посетитель попадался ещё где-нибудь?

– Нет, уверенно ответила Лена. – Я видела его в первый и последний раз.

– Я думаю, эту историю вам нужно будет повторить Сидорову, Михаилу Тимофеевичу – следователю, который ведёт дело об убийстве Руденко. И полистать нашу картотеку, вдруг, всплывёт знакомое лицо. Что ж поделывать, город у нас молодой, только начал строиться, а ведь здесь не только комсомольские отряды трудятся. Первые поселенцы за колючей проволокой территории осваивали. Кто-то уехал потом, после окончания срока или по амнистии, а кто-то и остался. И не всегда с добрыми намерениями. Понимаете, о чём я? – Андрей внимательно посмотрел на неё и снова потёр лицо ладонями.

Конечно, она понимала. Междугорск с момента своего рождения был буквально окружён лагерями и поселениями. Большинство были расформированы ещё в конце пятидесятых, но в тайге грибки и охотники часто натыкались на обрывки колючей проволоки, разрушенные огневые точки и безымянные кладбища с номерами на крестах. Людей с синими рисунками на руках и специфической манерой речи встретить можно было везде – в магазинах, клубах, за рулём грузовика или в забое шахты. Они не вызывали у местного населения страха или предубеждения, просто жили и работали, как все. Да, не обходилось без мелких краж или «гоп-стопа», случались и более серьёзные происшествия, однако, нападение на сотрудников правоохранительных органов – событие из ряда вон выходящее. Вот и приходится теперь милиции ломать голову, решая, кто осмелился бросить вызов судьбе и высшей мере – местное уголовное сообщество или залётные молодцы.

– Гастролёров искать – самое тухлое занятие, – поделился мужчина, – приехали, сделали своё дело, и ищи их потом на бескрайних просторах необъятной страны.

– Не согласна, – возразила Лена. – Я понимаю, когда гастролёры сберкассу обнесут, ювелирный магазин или продуктовый склад, но напасть на нотариуса... Смысл? Больших денег в конторе не бывает, драгоценностей тоже. Документы, печать? Кому могут быть интересны всякие справки? Это явно что-то личное и связано с кем-то из местных. Знать бы только что...

– Проверяем сейчас всех, кто побывал на приёме у Руденко за последние полгода, может быть, там что-нибудь обнаружится.

Лена вернулась в рабочий кабинет нотариуса Кошечкина только к трём часам дня. Зойки на месте не было, сам Виленор Иванович не высказал никакого недовольства по поводу долгого отсутствия своей второй практикантки, тем более, что оправдательный документ в виде отмеченной следователем повестки она предоставила.

У девушки сильно болела голова. Душное прокуренное помещение здоровья не добавляло, Лена считала минуты, когда можно будет выйти на свежий воздух и добежать до ближайшей аптеки. В глазах до сих пор рябило от просмотренных фотографий. Она вглядывалась в чёрно-белые лица, изо всех сил стараясь найти знакомые черты, но эти люди казались ей близнецами. Картотеку приходилось перебирать заново, поэтому было ощущение, что этих фотографий она пересмотрела несколько тысяч. И всё безрезультатно. Никого, хоть отдалённо напомнившего бы ей того длинного мужика, здесь не было.

– Вы хорошо себя чувствуете? – Виленор Иванович внимательно всмотрелся в бледное лицо своей практикантки.

– Честно говоря, не очень, – призналась она. – День выдался слишком тяжёлым.

– Ну вот что, идите-ка вы сегодня домой. Поручений у меня для вас никаких, а завтра будет видно. И ложитесь спать пораньше, вам действительно нужно выспаться. Идите, Леночка, идите.

В аптеку всё же решено было зайти. Та, что находилась в одном доме с нотариальной конторой Кошечкина, не работала, учёт. Придётся пройти дальше по улице. Таблетка от головной боли совсем бы сейчас не помешала, как и бутылочка брома. Скорее всего, по-другому уснуть просто-напросто не получится, слишком много вертится в голове картинок и информации. Надо бы разложить этот винегрет по полочкам, чтобы легче проанализировать, да вот не получается пока не отдохнёшь. Просто замкнутый круг.

Погружённая в свои мысли, Лена поднялась по деревянным ступенькам к двери с вывеской «Аптека». В помещении, полностью занимавшем щитовой финский домик, пахло мятой, йодом и хлоркой. Народу практически не было, лишь несколько чумазных пацанов подсчитывали мелочь для покупки гематогена да мужчина, наклонившись через прилавок, тихо беседовал с девушкой в накрахмаленном белом халате и круглой белой шапочке. Лена подошла ближе и встала в очередь.

Наконец, посетитель простился с фармацевтом. По дороге к выходу он положил в карман рабочей куртки бумажный свёрток и опустил на глаза козырёк кепки. Девушку словно окатили с головы до ног ледяной водой: это был он, тот самый высокий, приходивший в контору Пелагеи. Забыв о головной боли, Лена решила действовать. Необходимо проследить за этим типом, узнать, где он обосновался и тогда уже сообщить в милицию. А там уже профессионалы выяснят, что связывало его с нотариусом Руденко и причастен ли он к её гибели. Лена сняла с шеи легкий шарфик, повязала им голову и повесила на сумку тонкий жакетик, только что покрывавший её плечи. Всё это напоминало ей сцену из фильма про шпионов, недавно просмотренное в клубе вместе с Зойкой. Там тоже разведчик менял обличье, чтобы выследить врага на улицах города. Насколько это сложно и опасно, ей предстоит узнать.

Мужчина неспешно шёл по обочине грунтовой дороги, девушка держалась позади него в нескольких десятках метров. Вот он закурил на ходу, махнул рукой паре встречных грузовиков и направился через пустырь по узкой путаной тропинке к домикам частного сектора. Лена оглянулась по сторонам. В этой части городка ей ещё не приходилось бывать. Пустырь заканчивался мелководной курьёй, заросшей камышами и раскидистыми ивами. Здесь тропинка выходила к самодельному мостику из двух перекинутых между бережками шпал и разбегалась сразу на три стороны, как раз по числу улиц. Высокого не было видно, но его преследовательница не теряла надежды. Она заглянула сначала в один проулок, потом во второй и практически в конце улицы заметила человека, входившего в калитку неказистого рубленого домишки. Осторожно, стараясь не выдать своего присутствия, девушка подобралась ближе. Она не рискнула подойти вплотную к заветной калитке, но зато прочитала на соседних воротах название улицы и номер дома. «Снеговая, 18»,- было выведено краской на почтовом ящике. Лена постояла ещё несколько минут, прислушиваясь к звукам вокруг, но ничего, кроме лая собак, не разносилось по округе. Она повернула обратно. Нужно срочно связаться с «важняком» Сидоровым, либо, на крайний случай- с Андреем Потаповым. Пока этот мужик не догадался, что его ищут, и не скрылся в неизвестном направлении.

Лена быстро перешла мостик из шпал и скрылась в зарослях ивы. Через пару сотен метров покажется телефонная будка, девушка обратила на неё внимание пока шла по дороге. В дежурной части в помощи не откажут. Вдруг за спиной громко хрустнула ветка. Лена вздрогнула и оглянулась. Он стоял к ней вплотную. Высокий, со сжатыми в узкую полоску губами и пронзительными серыми глазами. Они смотрели друг на друга и не двигались с места. А потом резкая боль пронзила левый бок. Лена начала медленно оседать на землю, лицо мужчины расплылось в мутной дымке. Проваливаясь в небытие, она услышала: «Готова, Немец, канаем прочь!»

Глаза нестерпимо резал свет. Хотелось встать и наглухо задёрнуть шторы, но не было сил даже пошевелиться. А ещё эта иссушающая жажда... На стуле рядом с кроватью всегда стоял

стакан воды, надо только протянуть руку. Она сделала над собой усилие и вытащила руку из-под одеяла. Так, чуть правее, немного дальше, но стакан никак не попадался. Девушка с трудом разлепила веки. Странно, где это она? Высокие белые потолки, широкое окно с белыми занавесками-задергушками, металлическая стойка капельницы... Она в больнице! Но что случилось? И тут дала о себе знать резкая боль в левом боку. Лена всё вспомнила! Нужно позвать врача или медсестру, пусть позвонят в милицию!

Дверь открылась. В палату вошла высокая стройная девушка в белом халате. Её сопровождал мужчина в милицейской форме. Присмотревшись, Лена узнала в вошедшем Андрея Потапова.

– С возвращением! – Широко улыбнулся мужчина. – Расскажите, каково это – через пять дней проснуться героем?

Девушка махнула рукой, пытаясь остановить поток красноречия, а он уже усаживался на стул возле её кровати.

– Этот человек... Улица Снеговая... Немец... – пыталась как можно громче и внятнее говорить она, но из губ вырывался лишь свистящий шёпот.

Тем ни менее, Андрей услышал её.

– Тише-тише, вам нельзя ни нервничать, ни разговаривать, – он взял её за руку. – Всё позади, они у нас. Оба. Тимофеич настоял, чтобы за вами присматривали наши ребята, беспокоился, вдруг преступники захотят «подчистить хвосты». Как оказалось, не зря переживал старик. Мы вас потеряли буквально на несколько минут и вот...

– Кто эти люди? За что они напали на Пелагею?

– Это длинная история. Расскажу лишь вкратце. Этот самый Немец «крестник» нотариуса Руденко. В войну она служила в спецотряде НКВД и участвовала в ликвидации диверсионно-разведывательных групп в тылу. Немец, он же Арно Лацис, был руководителем одной такой группы. Ему тогда помогли бежать, но, как оказалось, земля не просто круглая, у неё своя, особая память. Лацису удалось раздобыть чужие документы, по ним стал он Иваном Колесниковым, мотался по стране, даже отсидел за кражу со взломом. На зоне он познакомился с Егором Шиловым по кличке «Шило» и после освобождения приятели подались в Сибирь на золотые прииски. Так их занесло в наши края. А тут совершенно неожиданно выяснилось, что у Колесникова, настоящего, чьи документы были присвоены, скончался дальний родственник и, за не имением других наследников, к Ивану переходит дом и коллекция старинных книг. Новоявленный наследник с радостью спешит в нотариальную контору, где нос к носу сталкивается с Пелагеей Руденко, той, что едва не подвела его к «вышке». Она тоже, спустя много лет, узнала нашего героя. Он успел стремглав ускакать прочь, но его новое имя бывший сотрудник органов срисовала на раз. Пелагея составила бумаги в местные отделы милиции и КГБ, вот только отправить их не успела – Лацис с Шиловым добрались до неё раньше. Вам, девушка, повезло, что в тот день у Пелагеи нашлось для вас задание, иначе... В общем, благодаря вам, удалось выйти на след Немца и его поделщика. Вы, Елена, поступили смело, но безрассудно. Таким людям, как Лацис, терять нечего. Он сразу понял, что за ним следят, и поспешил избавиться от «хвоста». Благо, наши ребята были рядом, а врачи смогли совершить настоящее чудо – вытащить вас с того света на этот. При обыске у Лациса нашли тоненькую такую зелёную папочку, а в ней бумаги, которые составила Руденко и документы на открытие наследственного дела. Почему он не уничтожил это всё – не понятно. Пожадничал, наверное или просто ступил. Решил выждать и повторить заход с получением наследства уже у другого нотариуса, которому передадут архив погибшей Руденко? Об этом мы пока не знаем, но само наличие этой зелёной папочки и плюсом запрошенные копии документов из военного архива поставят на судьбе Лациса жирный крест. Это нам обещали в местном отделе КГБ.

– Хорошо, всё хорошо, – прошептала Лена и закрыла глаза. Она провалилась в сон уже через минуту, а Андрей продолжал сидеть возле кровати и держать её за руку.

Глава 8. Андрей

События в жизни Елены закружились, словно водоворот: выписка из больницы, защита диплома, распределение в Междугорск с назначением её государственным нотариусом, награждение грамотой и ценным подарком от областного милицейского начальства. И Андрей. Он вошёл в её жизнь так, словно всегда здесь присутствовал. Спокойный, уравновешенный, настоящий пример для племянника-подростка, которого сестра Андрея воспитывала без мужа. Лена стала своей в этой маленькой семье и очень хотела долгие годы оставаться её частью...

Но так уж происходит – жизнь вносит свои коррективы.

Очередная рабочая поездка перевернула всё с ног на голову. Обычная, как пояснило руководство, длительная командировка, ничего особенного. Таковых в трудовой биографии Елены уже было предостаточно, но она всё равно ждала её с трепетом, ведь ехать предстояло в край первых восходов солнца – на Сахалин. Через половину страны к самому её восточному краю, своими глазами увидеть, как начинается новый день, а главное наконец посмотреть, какое оно – море. Пусть не южное, с курортами и санаториями, но всё равно солёное, пахнущее мокрым песком и йодом. И всего-то на три недели растянется это путешествие, они с Андреем даже не успеют соскучиться друг по другу. А потом начнётся совершенно новая страничка в их общем будущем. Но об этом знает пока только она одна.

Город Невельск появился на карте совсем недавно, ещё несколько лет назад именовался он Хонто и был частью Японии. Теперь же здесь о прежних хозяевах напоминали только военные укрепления вдоль береговой линии да маяки. От порта Холмск в Невельск ехать предстояло на попутке, рейсовый автобус уже ушёл, но девушка совсем не расстроилась, трудности её не пугали. Да и погода была великолепная, можно даже сказать – гостеприимная: яркое майское солнце гладило изумрудные вершины сопок, морские волны с размеренным шипением накатывались на песок, воздух казался прозрачным, а ветерок таким ароматным, что немного кружилась голова. Она поставила на обочину дороги фибровый, обтянутый дерматином, чемодан. На него удобно взгромоздился чемоданчик поменьше, «балетка», в котором соседствовали документы и разная женская мелочёвку.

Минут через пятнадцать возле Лены, обдав её облаком пыли, остановился потрёпанный грузовик «ГАЗ».

– Барышня, куда направляетесь? Может, нам по пути? – через открытую дверцу кабины поглядывал крепкий сидящий мужчина в кепке и клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

– Мне в Горнозаводск, в райсовет.

– Ну что ж, в самый раз! – водитель шире распахнул дверь. – Подавайте сюда свой багаж и устраивайтесь поудобнее. Прокачу с ветерком, насколько дорога позволит!

Большой чемодан прекрасно поместился на полу в ногах, «балетку» она поставила на колени. Грузовик заурчал двигателем и рывком прыгнул с места.

– И откуда вы прибыли в наш славный Найхоро? Вы ведь явно не из местных.

– Найхоро? – удивилась Лена.

– Ну значит точно из приезжих, с материка – сделал вывод шофёр. – Здешние старые названия местности хорошо знают. Горнозаводск-то японцы основали и нарекли его Найхоро. Это они тут начали бурый уголь добывать, узкоколейку построили до города Хонто, который после войны стал Невельском. Рядом – село Токомбосава, оно ж Колхозное. Чуть дальше на юг село Накасидай, теперь Ватутино, а практически на самой кромке острова поселение Минаминаэси, Шебунино по-нашему.

– Как интересно! – восхитилась девушка. – Не думала, что в этих местах так рьяно изучают историю. А я из Сибири, приехала в командировку.

– Землячка, значит,– обрадовался мужчина. – Я ведь сам из Томска, а в эти места меня призывали в армию, потом война с Японией. Позже рабочие руки понадобились, так и остался. Семью перевёз, родителей, сестёр. Женился. В общем, давно уже местный. А вы кто по профессии будете, что аж из самой Сибири, с материка, сюда к нам прислали?

– Нотариус я, по обмену опытом. Из вашего райсовета запрос прислали, вот меня и направили.

– А величать вас как? Вдруг понадобится обратиться, а я и не знаю. Меня, кстати, Петром Данилычем зовут. Дауткины мы.

– Лена. Борисова Елена Валерьевна.

– Вот и познакомились. А теперь гляди вот сюда, налево, Елена Валерьевна. Видишь, дорога пошла? Это как раз на Токомбосаву, в село Колхозное. А нам пока прямо и прямо, по побережью.

«Полста первый» прибыл к месту назначения примерно через полчаса. Пётр Данилыч помог Елене выйти, выгрузил чемоданы и помчался дальше.

– Моя конечная остановка в Ватутино, как говорится, груз сдал – груз принял,– сказал он, пожимая на прощание руку командировочному нотариусу.

Лена протёрла носовым платком руки и лицо и поднялась по деревянному крылечку длинного кирпичного дома. Именно здесь располагался Горнозаводский райсовет. Дел предстояло много.

В то утро она проснулась очень рано, не было ещё и пяти часов. Даже квартирная хозяйка, у которой ей сняли комнату на время командировки, ещё не поднималась, хотя обычно баба Тоня была птичкой ранней и к тому моменту, когда у Лены срабатывал будильник, на столе уже ждали свежее испечённые пироги с рыбой, отварная картошка, жареный папоротник и морс из клоповки. Девушка с осторожностью пробовала угощения хлебосольной хозяйки лишь первые два дня, а потом поняла, насколько всё вкусно и записала с десятков рецептов местной кухни. Конечно, такую рыбу, как в этих местах водится, в Сибири не купишь, но это и не страшно, можно заменить, а вот папоротник и лопух и в родных краях растут. Только собирать их уже поздновато, ну да ничего страшного, на следующий год можно начать. Единственное, что ничем не заменишь, так это ту самую клоповку, или краснику, как её ещё называют в здешних местах. Ягоды очень похожи на клюкву, но вот аромат у них специфический, потому клоповкой и величают. Лена решила, что привезёт с собой несколько бутылочек сиропа и угостит Андрея и его коллег. Уж очень хочется увидеть их лица!

Пошла вторая неделя её командировки. За это время с Андреем они созванивались только один раз, зато она успела написать ему целых три письма. Ответов не ждала, он сразу сказал, что терпеть не может писать, даже рабочие документы для него, как острый нож. Зачем же мучить человека? Вот вернётся она домой, там и поговорят обо всём на свете.

Лена уже допивала чай, посматривая на тяжелые часы с маятником, висевшие на стене небольшой кухоньки, как в дверь постучали.

– Кто там? – крикнула тётя Тоня, вытирая руки о передник.

– Телеграмму примите,– ответил приглушённый голос.

– Какую ещё телеграмму? – удивилась женщина. Она была одинока и никогда не получала корреспонденции, кроме газет и журнала «Работница».

– Да это для жилички твоей,– заговорила, входя в дом, высокая тощая женщина – местный почтальон.

Лена взяла из рук вошедшей фирменный бланк с приклеенными на него тонкими бумажными полосками. Она пробежала напечатанный текст и с недоумением уставилась на женщин, внимательно смотревших на неё.

– Дай воды. Быстро! – скомандовала почтальонка. Тётя Тоня моментально исчезла.

Лена ещё раз поднесла к глазам телеграмму. «Андрей... При исполнении... Похороны... Приезжай...»

На похороны Андрея она так и не попала: на остров обрушился шторм, связь с материком наладилась только через неделю. А потом лишь памятник с красной звездой на наконечнике обняла на могиле. И всё...

Девушка действовала словно в тумане – уволилась с работы, собрала свои вещи и, не прощаясь ни с кем, вернулась обратно на Сахалин. Просто сбежала из города, где была счастлива. Там осталось её прошлое и тот, кто так и не увидит своего ребёнка...

Она нашла в себе силы вернуться в Междугорск лишь спустя пять лет. Вместе с сынишкой ходила по знакомым улочкам, гуляла в парке, кидала камешки в речку. И в один из таких дней случайно столкнулась в магазине с Алексеем, племянником Андрея. Он стал совсем взрослым, настоящим мужчиной. От того угловатого мальчишки со светлой чёлкой, которая постоянно падала на глаза, не осталось и следа. Она обрадовалась, а он спросил:

– Сын? Сколько ему?

– Скоро будет пять.

– Значит, сразу забыла...

– Я не забыла, я... – но говорила женщина уже в пустое пространство. Собеседник будто растворился в воздухе.

Она не стала оправдываться, доказывать, объяснять, что Мишка – их с Андреем сын. Зачем? Ей никто ничего не должен и она никому и ничего не должна.

С тех пор прошло много лет. Лена так и не вышла замуж, посветив свою жизнь сыну. Из нотариата она ушла, а «корочки» токаря, полученные в местном учебно-производственном комбинате, совершенно изменили жизнь. С Лёшей они всё-таки пересекались иногда, город-то маленький, он здоровался и только. Так и не узнал, что у него есть двоюродный брат.

И тут убийство Эльвиры Нифонтовой. Событие словно всколыхнуло всё вокруг, и прошлое, и настоящее.

Глава 9. Универмаг "Силуэт"

Легенду для Ксюши, которую отправляли в разведку по месту работы погибшей Эльвиры, придумали на скорую руку: девушка заканчивает торговый техникум, хотела бы работать в родном городе, причём в одном из самых лучших промтоварных магазинов. Пришла осмотреться на месте, узнать, нужны ли люди, каковы особенности работы и так далее.

– Главное, не переигрывай,– наставляли старшие подруги.– Твоя задача не внедриться в коллектив в качестве шпиона, а просто осмотреться на месте и послушать, о чём говорят сотрудники. Меньше болтай, больше слушай.

– Постарайся найти девчонок помоложе,– советовала Галина,– у них твои расспросы не вызовут подозрений да и в силу возраста, они будут менее осторожны в высказываниях. Тётки вроде нас сразу насторожатся, да ещё и начальству донесут. Не очень хочется, чтобы нам потом органы по шапке наступали.

– Но ведь там уже, скорее всего, милиция побывала, люди рассказали всё, что знают,– рассуждала Ксюша.

– Человеку в форме, Ксюша, дадут очень подробную характеристику, каким является человек в быту и на рабочем месте, но вот делиться бабскими сплетнями никто не станет. Это некрасиво, не правильно и мешает следствию. А нам нужны именно сплетни. В них очень часто прячется истина,– с серьёзным лицом ответила девушке Елена.

– Сплетни? – подняла аккуратные бровки Ксюша,– это же... ну просто- фу! Слушать, как завистливые тётки поливают кого-то помоями? Хорошенькая получится истина!

– Видишь ли, когда одна женщина начинает завидовать другой, то она подмечает множество деталей, которые упускают окружающие. – Елена на минуту призадумалась.– Ну, например. Просто житейская история, безо всякой уголовщины. Мария Ивановна всегда приходила на работу в туфлях на плоской подошве, к которой вечно налипала грязь, потому что живёт она в Новом районе, а там кругом стройки и, не испачкавшись, попросту не пройдёшь. Но однажды кто-то обращает внимание, что несколько дней в неделю она входит в контору в модных туфлях. Чистых, заметь. Что это может быть? Новый район закатали в асфальт? Нет. Машины у Марии Ивановны не имеется, такси на каждый день – удовольствие дорогое. Народ шушукается, хихикает, начинает внимательнее присматриваться к своей коллеге. Вот и выясняется, что появился у немолодой уже женщины сердечный друг, полковник в отставке, который живёт в соседнем с конторой дворе, и она иногда остаётся у него на ночь в его трёхкомнатной квартире. И поверь, про то, что он полковник и у него «трёшка» в центре узнали именно те, кого крепко придушила завистливая жаба. Конечно, можно ещё расширить, разбавить подробностями, но мы не будем этого делать, у нас же, как договаривались, просто житейская история.

– Ты так говоришь, как будто женский коллектив это террариум. На что намекаешь?– засмеялась Галина.

– Дорогая моя подруженька, тебе ли не знать, что я говорю правду. И как раз токарки это не касается. Потому как гармонию у нас строжайшим образом блюдёт Михалыч,– Борисова снова переключилась на Ксению.– Старайся сильно в глаза людям не лезть, не отсвечивай. Ты всего лишь пришла узнать у директора насчёт работы. Прошла по магазину, осмотрелась и потихоньку на выход. Мы пока точно не знаем мотивов самоубийства или убийства Королевы Марго, а злодей, который её довёл до этого или убил, запросто может быть среди работников. Будь осторожна! Эх, жаль, что я сама не могу туда сходить! Это был бы наиболее надёжный вариант.

– Я справлюсь,– девушка упрямо вскинула голову. Пепельные локоны волнами побежали по плечам и спине.

– Что ж, тогда ни пуха, ни пера!

– К чёрту суеверия! У нас всё получится! – Ксюша посмотрела на часы. Вот-вот начнётся обеденный перерыв.

Универмаг «Силуэт» расположился в самом центре Междугорска, рядом с зелёной аллеей – любимым местом отдыха горожан. Стекланные витрины с разодетыми манекенами занимали весь первый этаж пятиэтажного жилого дома. Ксюша иногда бывала в этом магазине, ей очень нравился здешний галантерейный отдел, куда частенько завозили довольно оригинальную бижутерию и даже главную мечту советских модниц – импортные капроновые колготки. Слева от входа – самый большой отдел, «Одежда». Здесь, конечно, не торговали дизайнерскими моделями западных модных домов, но приобрести можно всё – от кружевной комбинации и ситцевого халатика до (если вовремя получить нужную информацию) ГДРовского платья или польской мужской курточки. Здесь же работал раскройный стол: приходишь со своей тканью и вырезкой из журнала, и закройщица вполне профессионально поможет создать платье мечты. А дальше уже всё зависит от навыков швеи. В центре тот самый отдел, «Галантерея». Зонтики, ремни, галстуки, любимая Ксюшина бижутерия, платки и прочая мелочёвка. Рядом – «Парфюмерия и косметика». В отделе в основном продавали мыло, кремы для лица и зубной порошок, но в последнее время добавили ещё шампуни, и даже краска появилась для волос. Оттенки, правда, так себе, но иногда можно было застать и вполне ходовые – каштановый или русый. Вот выбор парфюмерии впечатлял: «Красная Москва» (обожаемая Ксюшиной бабушкой), «Серебристый ландыш», которым до одури душилась соседка по лестничной клетке, «Наташа» – духи и одеколон с голубоглазой блондинкой на этикетке, «Незнакомка». Такой флакончик стоял у Ксении в прихожей рядом с «J'ai Osé», подаренными ей дедом по случаю поступления в институт.

Справа от входной двери отдел верхней одежды. Пальто, искусственные шубы, шапки и воротники из натурального меха. Периодически «выбрасывались» дублёнки, вот только не всем везло «достать» это произведение портновского искусства, да и стоило оно приличных денег, не каждому по карману – пятьсот, а то и шестьсот рублей при зарплате в сто-сто двадцать. Впрочем, в Сибири, никто не замерзал от нехватки тёплой одежды, а женщины порой носили такие шикарные песцовые и лисьи головные уборы и воротники, что приезжающие из столицы в командировку дамы зеленели от зависти.

Ксюша огляделась. Именно на галантерею стояли за прилавком девушки, примерно одного с ней возраста. Народу в магазине было немного и поэтому работницы торговли в форменных серых халатиках «под джинсу» позволили себе посторонние разговоры прямо на рабочем месте.

– Да я своими ушами слышала, что женщина убила, – громким шёпотом, который гулко отражался от бетонного пола, говорила рыжеволосая красotka с тяжёлой грудью и аккуратной «гулькой» на голове.

– У моей подруги сестра работает паспортисткой, так вот у них поговаривают, что это сынок постарался с друзьями своими, алкашами. Она ж дачу недавно строить взялась, денежки там точно водились, – спорила с напарницей черноволосая осанистая девушка с раскосыми восточными глазами. Внешность её портил только слегка приплюснутый нос.

– Здравствуйте. А мне бы с вашей заведующей переговорить. Я по поводу работы, мы на прошлой неделе договаривались, – Ксюша подошла поближе к прилавку.

– Вы знаете, Эльвиры Михайловны сегодня нет и... – рыжая бросила быстрый взгляд на брюнетку. – В общем, её сегодня не будет. Если вы договаривались, то сходите в подсобку, там старший продавец на месте, Любовь Дмитриевна Шатаева. С ней можете побеседовать.

– И Вадик приехал, я видела, – вставила брюнетка, натянув на губы ехидную улыбочку.

– Какой он тебе Вадик, идиотка?– зашипела рыжая, не обращая внимания на стоявшую рядом Ксюшу.– Не Вадик, а Вадим Владимирович. Ты же знаешь, он терпеть не может фамильярностей!

– Поэтому и говорю – Вадик.– не унималась раскосая.– пусть побесится.

– Доиграешься, Людка, переведут в какое-нибудь сельпо, в которое три дня на оленях добираться, будешь знать!

– Ой, как страшно! – та, которую называли Людкой, засунула руки в карманы халатика и продефилировала в другой конец отдела, покачивая бёдрами.

– Не обращайтесь внимания.– рыжая снова переключилась на Ксению.– В конец магазина пройдите, там будет лестница в подвал. По ней спускаетесь, слева – помещение администрации. Если там никого нет, поверните направо, на склад. Возможно, все там.

– Можно ещё вопрос.– Ксюша изобразила смущение.– А кто такой этот Вадик? То есть, Вадим Владимирович. И что он из себя представляет? Волнуюсь очень, не знаю, как выстроить разговор.

– Это заместитель Эльвиры Михайловны, в её отсутствие он ведёт все дела. Нормальный мужик, работу хорошо знает. Любит, чтобы дисциплина была на рабочем месте, очень строго за хамство в адрес покупателей спрашивает с нас.

– Ага, только не забудь, когда к нему пойдёшь, трусы с кружевами надеть.– снова съехидничала брюнетка Люда, с кривой ухмылочкой окидывая фигурку будущей коллеги.

Ксюша отошла к перегородке, разделявшую галантерею с отделом верхней одежды и прислушалась к спору продавщиц.

– Ты всякую чушь городишь и даже труда себе не даёшь голову включить! – шипела рыжая.

– Анечка, дорогая моя, ты же знаешь прекрасно, что я не вру! – певучим голосом отвечала Людмила.

– Мне кажется, что тебе не помогут ни трусы, ни их отсутствие, как только Вадим Владимирович будет проводить обещанную трестом перестановку кадров. За что ты его так невзлюбила? Или – наоборот? Втюхалась по уши, а он внимания не обращает?

– Да пошла ты! Целыми днями только и делаешь, что глазами по сторонам стреляешь. Лучшие фактуры разбери, учёт завтра.

Спор прекратился, в отдел вошли покупатели.

– Что-то ищите? – голос за спиной заставил Ксюшу вздрогнуть.

Девушка оглянулась, рядом с ней стояла приятная невысокая женщина лет тридцати с небольшим, в таком же, как и «галантерейщицы» сером рабочем халатике. Голову женщины украшала пышная «химия», серые глаза красиво подведены голубыми тенями.

– Мне нужно переговорить со старшим продавцом.– Ксюша облегчённо вздохнула. – Сказали, что она где-то здесь.

– Она внизу, в подсобке. Идёмте со мной. – Женщина повернулась на каблуках удобных добротных туфель и пошла, лавируя между стойками с одеждой.

Широкая бетонная лестница вела вниз. Подсобное помещение «Силуэта», оказывается, занимало весь подвал жилого дома.

– Спуститесь и увидите слева серую дверь с табличкой «Администрация». Сразу напротив двери стол Любови Дмитриевны. – Женщина жестом показала в сторону лестницы и продолжила стоять, словно не решаясь о чём-то спросить.

– Вы из милиции? – прозвучало, наконец.

– Нет-нет.– заверила Ксения.– я совершенно по другому вопросу. Мне вообще-то Эльвира Михайловна нужна, но сказали, что её сегодня не будет.

– Боюсь, что и завтра тоже. Померла она.– ответила женщина и к огромному удивлению Ксюши перекрестилась.

– Надо же! – девушка старательно сделала большие глаза,– а мы с ней на сегодня договаривались. А что случилось? Её ограбили? Напали на улице?

– Говорят, самоубийство, повесилась она. Милиция была вчера, в выходной, но они разве что скажут? Вызвали нас. Походили, посмотрели, забрали какие-то бумаги... Вопросы задавали разные – были ли враги, ссорилась ли она с кем-нибудь, какие люди окружали... В общем, всякую ерунду. А она никогда ни с кем не ссорилась, кроме сына своего, Ромки. Пьющий он, сильно пьющий. Она всё старалась вытащить его из этого омута, а где-то месяца три назад сдалась – добилась оформления парня в ЛТП. Тут такое было! Мы думали, он её убьёт! Его прямо отсюда наряд увёз, Эльвира заявление написала. А потом сама свалилась, невралгия. Бедная женщина!

– Её уважали в коллективе? – осторожно поинтересовалась Ксюша, боясь прервать красноречие своей собеседницы. – Простите, а вас как зовут?

– Полина Георгиевна,– женщина вытащила из кармана ситцевый носовой платок в цветочках и негромко высморкалась.– Не могу сказать, что все в восторге от неё были и косточек на досуге не перемывали, сотрудники-то в большинстве своём– женщины. Но она железной рукой руководила, Маргарет Тэтчер местного разлива. Мужа схоронила лет десять назад, он у неё тот ещё ходок был, и руки распускать любил. А потом обширный инсульт и, представляете, она ведь не бросила его, а ухаживала до последнего дня! Пока мужа по врачам возила, лекарства новомодные доставала, да хоронила, упустила сына. Ромка с компанией нехорошей связался, начал пить, хулиганить. Его из-за условного срока в армию не взяли. Ну, сами понимаете...

– Тяжело женщине одной. Что же она, так и осталась без мужчины?

– Поклонников у неё много было, женщина-то видная, умная. Она, между прочим, Бальзака в оригинале читала! Но вот серьёзно чтобы увлечься, до последнего времени не было.

– До последнего времени?

– Ой, я что-то заболталась, простите,– Полина засуетилась, взглянула на маленькие часики на запястье левой руки и скрылась где-то за шубами и пальто.

Ксюша постояла ещё пару минут, потом пожала плечами и начала спускаться по лестнице в подсобку.

За серой дверью с табличкой «Администрация» слышались приглушённые голоса и стук. Ксюша осторожно заглянула вовнутрь.

– Можно?

– Войдите,– сквозь шум послышался голос женщины, сидевшей за большим письменным столом сразу напротив входа. Та судорожно рылась в своей небольшой белой сумочке с длинными ручками, попутно размазывая по заплаканному лицу тушь и помаду. Наконец, ей попалось маленькое зеркальце.

– Ужас какой!– она взглянула на своё отражение, потом перевела взгляд на Ксению. – Подождите пять минут, я сейчас,– и выскочила за дверь.

Пока Любовь Дмитриевна отсутствовала, Ксюша огляделась по сторонам. Помещение администрации было не очень большим и состояло из двух кабинетов и «предбанника», в котором как раз стоял стол старшего продавца. Справа – дверь с табличкой на стене «Заместитель», слева – пустой проём, в котором сейчас копошились рабочие, навешивая на петли новую, ещё даже не окрашенную дверь. На стене рядом такая же табличка, только с надписью «Заведующая». Помещение не имело окон и освещалось лампами дневного света, отражавшимися в белёных стенах голубым холодным свечением и резавшими глаза. Стол Любви Дмитриевны был старым, но добротным, Кроме настольной лампы с зелёным стеклянным абажуром, перекидного настольного календаря на чёрной пластмассовой подставке и гранёного стакана, заполненного карандашами, шариковыми ручками и другой мелкой канцелярией, на нём ничего не было. Внимание девушки привлекла стоящая в углу вешалка. На ней висело светло-голубое демисезонное пальто, с капюшоном и искусственным мехом внутри. Ксюша подошла, чтобы

рассмотреть вещь поближе. Пояса не было, вместо него в шлёвки вставлен белый ремень из кожзама с металлической пряжкой.

Любовь Дмитриевна вернулась как раз в тот момент, когда Ксюша уселась на стул у стены. Лицо молодой женщины было полностью лишено косметики, русые волосы гладко зачёсаны назад, глаза и нос – красные, но слёз больше не наблюдалось. Она решительно прошла к столу, вытащила из ящика связку ключей и положила их рядом с лампой, поправила на плече ремень сумочки и только потом заметила Ксению.

– Простите, я совсем про вас забыла. Если вы по какому-то рабочему вопросу, то это больше не ко мне, с сегодняшнего дня я здесь не работаю. Написала заявление по собственному желанию.

– Да я, собственно...– Ксюша решила действовать «в обход».– Мне очень ваше пальто понравилось, давно хочу себе такое же приобрести. Поделитесь секретом, как вам удалось его раздобыть?

– Странно это всё, но давайте поговорим. Только не здесь,– Любовь Дмитриевна взяла с вешалки пальто и направилась к выходу.– Недалеко есть кафе, посидим там в уголке. Вас как зовут? Меня можно просто Люба.

Глава 10. Любаша

Девушки сели за самый дальний столик. Они молча рассматривали друг друга пока официантка в накрахмаленном белоснежном фартуке и кружевной наколке подавала мороженое в стеклянных креманках на высоких тонких ножках. Сверху лакомство было щедро полито ликёром и посыпано тёртым шоколадом. Здесь, в «Горной жемчужине», это была фирменная подача.

– Так что вы хотели узнать, Ксения? – первой нарушила молчание Люба.

– Я вообще-то приходила переговорить с Эльвирой Михайловной по поводу работы, но тут такие дела... – начала Ксения и осеклась под пристальным и немного насмешливым взглядом своей визави.

– Вы ни о чём с Эльвирой не договаривались. Я бы точно об этом знала. Всё, что касается кадров, проходит через меня, а я не припомню, чтобы в моём календаре была записана некая Ксения, которая горит желанием трудиться в нашем дружном коллективе. И документов вы никаких с собой не принесли, так?

– Так, Ксюша опустила глаза и немного покраснела. Она была уверена, что хорошо играет свою роль, но её, оказывается, раскусили практически сразу же.

– И кто же вы, Ксения? И что вам нужно? Вы из милиции?

– Нет, к органам я не имею никакого значения. Не буду скрывать, так сложилось, что я и мои подруги помогаем следствию (неофициально, правда), в раскрытии причин этого самоубийства. Я заметила, что вы плакали там, в подсобке. Вас так поразила смерть начальницы или это какие-то личные мотивы?

– Не знаю, что и сказать... Навалилось всё как-то сразу... – Люба смотрела в окно, выходящее на проспект Первых коммунистов и задумчиво помешивала ложечкой своё мороженое.

– Вы хорошо знали Эльвиру? Расскажите мне о ней хоть что-то. Это очень важно.

– Не могу сказать, что я знала её на сто процентов, ведь человеком она была достаточно закрытым, но известно мне точно чуть больше остальных. Дело в том, что Эльвира едва не стала моей свекровью.

Любаша и Ромка жили в одном дворе и учились в одной школе, только он – на один класс впереди. Ребятни в их дворе было много, взрослые дружили семьями, а дети сплотились в настоящую банду-команду. Вместе играли на огромной куче песка возле железнодорожного тупика, втайне от родителей сбегали купаться на речку, едва только сойдёт лёд, ходили в тайгу за первой колбой и кандыками. А уж сколько было переиграно в «Казачьи разбойники», «Зарницу» и прочие прыгалки-пряталки и не сосчитать! Мальчишки провожали девочек в школу и встречали после уроков, а те в свою очередь помогали друзьям с домашкой и внеурочкой. Это было по-настоящему счастливое детство!

Время шло, вчерашние мальчики и девочки превращались в юношей и девушек. Большая команда начала распадаться на парочки, которые гуляли вечерами по улице, держась за руки, и целовались в плотных зарослях сирени. Такой же парочкой, неожиданно для самих себя стали и Ромка с Любашей. Первая симпатия возникла у них в четырнадцать, на зимних каникулах.

– Мы с дамы на санках катались. Я умудрилась уехать дальше всех и не заметила там полынью в одном месте. В общем, нога провалилась и валенок пошёл ко дну. Ромка среагировал моментально. Вытащил меня и до самого дома на санках вёз. Ногу мне обмотал своей курткой, сам в одном свитере топал. Благо хоть не очень далеко, но всё равно умудрился простыть, слёг на следующий день с температурой. Попало нам!.. Он до конца каникул проболел, и я за компанию ни разу гулять не вышла. Сидела с ним рядом, книжки вслух читала про разные приключения.

Ребят всё чаще видели вместе, соседи посмеивались:

– Готовь, Элька, соленья-варенья, а то чем на свадьбе закусывать будем?

Эльвира только посмеивалась в ответ. Они с мужем давно распланировали жизнь сына, и женитьба в эти планы не входила. Во всяком случае, в ближайшие лет десять.

Муж Эльвиры работал главным инженером в локомотивном депо и видел сына по меньшей мере начальником отделения дороги, да и все данные у парня были – любознательность, упорство, хорошая физподготовка. Вот только мечтал тот совсем о другом. Ромка хотел стать журналистом, политическим обозревателем. В его планах была работа в ТАСС или, по крайней мере, в АПН. В школе он записался в литературный кружок, ходил на занятия общественно-политического клуба «Исток», который организовал и вёл учитель истории Владимир Семёнович, усиленно занимался английским. К восьмому классу стало понятно, что Роман Нифонтов уверенно идёт на золотую медаль.

И тут главу семейства словно подменили. Ромка всё чаще стал замечать плачущую мать, бывало, что она вытирала кровь с губы или запудривала синяк под глазом. Отец не ночевал дома по нескольку дней, а потом возвращался, как ни в чём не бывало и продолжал тихо тиранировать семью. Оказалось, что у мужчины уже несколько лет как появилась любовница, молодая, симпатичная, вот только без своего жилья. Поэтому по-хорошему супругам расстаться никак не получится, нужен размен. Их кооперативную «двушку» на две однокомнатные. С доплатой, разумеется. Эльвира категорически возражала, тем более, что супруг настаивал – материальные затраты должна понести именно она, работнику торговли, мол, проще раздобыть нужную сумму.

На этой почве стычки становились всё чаще. Ромка, видя, как мучается мать, решил действовать по своему: выследил с друзьями любовницу отца и прямо в подъезде обрил её наголо. Парня задержали и дали условный срок.

– Теперь ему можно было забыть о журналистике, политике и золотой медали. Да он и не хотел больше ничего. Стал выпивать, появилась компания. Постепенно даже я стала ему не нужна, он не принимал от меня ни помощи, ни сочувствия. Правда, никогда не оскорблял, не унижал. Бывало, обнимет меня и плачет – люблю, не хочу терять. И тут же гонит прочь. Я школу закончила и уехала поступать в торговое училище. Потом узнала, что у Егора Ивановича, отца Ромки, инсульт. Любовница его бросила, разумеется, а Эльвира Михайловна взялась выхаживать. Но ничего не помогло, он умер. Ромка к тому времени совсем «поплыл» – работать не хотел, да и не держали его нигде. Пил со всеми подряд и что придётся. Эльвира квартиру всё-таки разменяла, сама в «однушке» осталась, а Ромку в коммуналку переселила, думала, что поживёт один, задумается. Но нет...

Любаша вернулась дипломированным специалистом, и Эльвира взяла её к себе старшим продавцом. Вместе они уговорили Романа на лечение в наркологическом диспансере и на какое-то время это действительно помогло. Парень ожил, посвежел, устроился на работу. Тяжёлый физический труд монтера пути был ему на пользу. Времени и сил на дружков практически не оставалось, а в выходные к нему приходила Любаша, чтобы прибраться в комнате, да вытащить его в кино или просто на прогулку.

– Через год к нам на работу устроился Вадим Третьяков. Так получилось, что несколько раз он на такси подвозил меня домой после учётов, а потом ещё мы пересекались в общих компаниях. Ромке это очень не понравилось, он начал ревновать, психовал, мы постоянно ссорились. Я сказала, что не хочу таких отношений и ушла. Не к Вадиму, нет. Просто ушла и всё. А потом и вовсе оказалось, что у Вадима роман с Эльвирой Михайловной. Вот тут все очень удивились, мы даже не подозревали, что между ними что-то есть! Ромка тогда вовсе с катушек слетел. Примчался как-то пьяный в магазин, орал, что Вадим прекрасно устроился, как петух в курятнике – сегодня одну топчет, завтра другую, мол, не универмаг, а публичный дом... Мать обзывал озабоченной старухой... Эльвира не выдержала, вызвала милицию. Потом суд, направление в ЛТП. А теперь вот Эльвиры не стало... Не представляю, как Ромка переживёт

всё это...– Любаша снова расплакалась и взяла со стола бумажную салфетку, чтобы промокнуть глаза.

– Люба, скажите, а где пояс от вашего пальто? – спросила вдруг Ксюша.

Молодая женщина от неожиданности потеряла нить разговора.

– Какой пояс? Причём тут?..

– Я обратила внимание, что у вашего пальто нет пояса, вместо него вы носите ремешок.

– Вот вы о чём... Дело в том, что я его купила уже без пояса. С рук. К нам девушка приходила в магазин, вроде соседка или знакомая кого-то из наших, предлагала это пальто, ей не подошёл размер, маловато оказалось в плечах и груди, а мне подошло идеально. Пояс она где-то потеряла, за это скидку мне сделала. Просила изначально двести, сошлись на ста восьмидесяти. За импортную вещь это очень выгодно. Его настоящая цена не меньше трёх сотен, но не зря же я работник торговли... В общем, заняла у девчонок, свою заначку растрясла, но пальто купила. Цвет не практичный, маркий, слишком часто не наденешь в нашем угольном городке, но иногда радую себя. Третий сезон ношу.

– А девушка эта ваша знакомая? Может быть, у неё ещё есть что-нибудь на продажу?

– Нет, я её видела всего пару раз. Пальто это она приносила, потом ещё предлагала мохеровые шарфы и пряжу. Больше я её не видела. Это было весной в прошлом году.

– Понятно. – Ксюша взглянула на часы. – Мне пора бежать, ещё несколько бумажных дел. Спасибо за интересную беседу!

– Погодите, Ксения. – Любаша немного замялась. – Мне хотелось бы помочь вам. И вообще, узнать правду о том, что случилось с Эльвирой Михайловной. Вдруг это поможет, даст какую-нибудь подсказку. – Она вынула из сумочки записную книжку с олимпийским Мишкой на лакированной обложке. – Эльвира попросила меня подержать это у себя некоторое время, сказала, что заберёт записи после возвращения из санатория. А потом... Я полистала странички, но там только какие-то инициалы и цифры, похоже на бухгалтерские расчёты, я не стала сильно вдаваться. Посмотрите на досуге и решите, важно это или нет. В милицию не хочу идти, затаскают ведь потом, и выбросить не решаюсь. Заберёте?

Ксюша кивнула и переложила блокнотик в свою сумку.

Новые знакомые засобирались уходить. Едва девушки встали из-за столика, как к ним подошли двое молодых людей в штатском.

– Шатаева Любовь Дмитриевна? – спросил один из них, коренастый блондин, безошибочно определив, кто из двух девушек именно та, которая им нужна.

– Да, это я, – удивлённо взглянула на мужчин Любаша.

Красные корочки раскрылись и захлопнулись перед её лицом.

– Уголовный розыск. Вам необходимо пройти с нами в отделение.

– Что? – громко возмутилась Любаша.

Редкие в это время посетители кафе начали оглядываться на шумную компанию и перешёптываться, кто-то направился к выходу, не желая попасть в поле зрения органов в качестве свидетеля.

– Любовь Дмитриевна, прошу вас, не устраивайте скандал, – второй оперативник, постарше, с чёрными густыми усами, взял женщину под локоток и удержал на месте. – С вами хочет побеседовать следователь по делу вашей заведующей, Эльвиры Нифонтовой. По месту работы вас не нашли, сотрудники магазина подсказали, что вы ушли с подружкой в кафе. В рабочее, заметьте, время.

– В обеденный перерыв, – возразила Ксюша, но на неё никто не обратил внимания.

– Почему не вызываете повесткой? Обязательно нужен этот цирк на глазах у посторонних? – не сдавалась женщина.

– Если бы каждый подозреваемый добровольно являлся по повестке, мы остались бы без работы,– усмехнулся усатый. Он продолжал держать Любашу за локоть, а второй тем временем собрал её вещи.

Женщина беспомощно оглянулась и посмотрела на Ксению.

– Подозреваемый? Я не виновата,– прошептала она. – Честное слово, ни в чём не виновата!

– Разберёмся, не волнуйтесь,– спокойно ответил блондин, и вся компания направилась к выходу.

Ксюша расплатилась с официанткой и бросилась следом, но все трое уже скрылись за углом. Девушка направилась к автобусной остановке. О записной книжке в своей сумочке она совершенно забыла.

Глава 11. Оперштаб "Борща"

– Опять она что-то чертит! – Галина заглянула через плечо Борисовой, склонившейся над листком бумаги. – Квадратики, стрелочки... Тебе на работе не надоело схемы рисовать?

– Галочка, так нам будет удобнее систематизировать всё, что мы смогли узнать за это время, – спокойно ответила Лена, не прерывая своего занятия.

После работы они собрались в квартире Борисовой, и пока Галина, наделённая правами хозяйки, готовила лёгкий ужин, Ксюша и Лена по пунктам разбирали собранную информацию.

– Мне кажется, что Любаша в этом деле никак не замешана, – делилась впечатлениями Ксения. – Ну и что с того, что пояс похож по цвету на её пальто? Это вообще просто предположение. Может он голубой, но совсем не такой, как это злосчастное пальто. Оно же не единственное на свете, даже в таком городишке, как наш. Тем более что и купила она вещь уже без пояска. Да и мелковата эта барышня для преступницы – ни роста, ни веса, это я про версию с убийством. Чтобы с высокой статной дамой справиться, нужно самой быть этакой амазонкой. Ладно, мышьяку сыпануть в кофе, тут Гераклом быть не надо, но про это речи не было.

– Личные впечатления, конечно, очень важны, но я могу с тобой поспорить, – Галина поставила на стол тарелку с бутербродами и принялась разливать чай по оранжевым чашкам в белый горох. – Начнём с того, что ты судишь только по её рассказу, а как было на самом деле – мы не знаем. Может быть, там и поясок был, и самбо твоя Любаша занимается с пяти лет, и мастер спорта она международного класса. Мотивы тоже могут быть самые разные. Та же ревность, например. Может, у неё роман был с этим Третьяковым, а он её ради более перспективной Эльвиры бросил. Или они с сыночком нашей Королевы Марго в сговоре, ведь выйди та замуж да за молодого мужика, сын отойдёт на второй план. Денежный поток существенно поиссякнет и в перспективе – торчать ему в коммуналке до конца дней. Так себе жизнь получается...

– Могли быть и другие мотивы, материальные там или карьерные. Ещё пример – у неё что-то серьёзное обнаружилось со здоровьем, неизлечимая болезнь вроде онкологии. Или растрата на работе, левый товар. Тут и вовсе «вышка» корячится, уж лучше в петлю. Если убийство, а я уверена, девочки, в этом процентов на девяносто, то здесь и сообщник, и любовник, тот же Вадим или какой-нибудь «Мистер Икс», о котором мы пока ничего не знаем, – Лена закинула в чашку три ложки сахара и подмигнула уставившимся на неё подругам. – Чего смотрите? Мозги подпитывать нужно, а сахар – лучшее средство для этого. Я в журнале «Здоровье» читала.

– Ты там ещё про сахарный диабет почитай, – нравоучительно проворчала Галина, – и про посещение зубного врача.

– Не зуди, подруга, лучше съешь конфетку, настроение сразу изменится. Забыла, как эти гормоны радости называются, но они тоже любят вкусняшки!

– Девчули, давайте побыстрее к делу! – не выдержала Ксюша. – Время идёт, у меня планы на вечер.

– Да ладно! – рассмеялась Лена. – А с нами ты не хочешь поделиться, с кем и чего напланировала?

– Вы что! В «Кузбасс» «Танцора диско» привезли, мы еле билеты достали! Я не хочу пропустить такое событие!

– С Гошей намылились, что ли? Ой, смотри, Ксюня, попадешь ты с ним в «Гвоздодёр», точнее теперь уже в «Борщ»! – Галина пила чай, стараясь не рассмеяться над покрасневшей девушкой.

Ксения не нашлась, что ответить на колкости подруг и просто сидела, уставившись в пол.

– Что ж, посмеялись и будет. – Лена взяла в руки листок со схемами. – Смотрите, что мы имеем. Эльвира приехала в санаторий, чтобы снять боли в спине, об этой поездке знали все – коллеги, семья. То есть, в случае необходимости найти её не составляло труда. Ей предстоял

учёт в магазине. А вдруг кто-то хотел скрыть недостачу? Это тоже нужно учитывать. Внутри-семейные отношения у погибшей оставляли желать лучшего и, кстати, об этом тоже знали все. Так что в случае необходимости подставить её сына не составляет большого труда.

– Да там и подставлять не надо, он сам способен дел наворотить,– возразила Галина.

– Вот именно поэтому в моей схеме Роману Нифонтову отведено отдельное место. Роман связан с Любой Шатаевой, а Люба в свою очередь, пусть и весьма поверхностно – с Вадимом Третьяковым, который ухаживал за Эльвирой. Нам нужно постараться узнать, где каждый из этих людей находился в день, когда погибла Королева Марго.

– И как мы это сделаем? Будем отлавливать каждого из списка и пытаться? – Ксюша с нетерпением поглядывала на часы.

– Зачем же? Есть вариант гораздо лучше. Мы поедем на похороны Эльвиры, там соберутся все действующие лица. В такие минуты люди очень откровенны. И наша задача – держать уши и глаза открытыми.

– В магазине поговаривали, что похороны и поминки пройдут в субботу, начальство из ОРСа заказало банкетный зал в ресторане «Бель-Су», всё, как говорится, «дорого-богато». Туда бы попасть, после пары-тройки стопок водки народ разговорчивее становится, но это задача не реальная,– Ксюша прикусила нижнюю губу.

Наступила тишина. Старшие подруги согласились с мнением Ксении по этому вопросу и прекрасно понимали, что на мероприятие «для своих и нужных» им не попасть.

– До субботы время у нас есть, придумаем что-нибудь,– Лена накрыла листок с планом ладонью.– Отпускаем Ксюшу? А то она от нетерпения готова выскочить в окно. Так хочется увидеть Гошу?

– Какой Гоша! Там Митхун Чакраборти с песнями и танцами – вот что главное! – рассмеялась девушка и запела, покачивая бёдрами: «Джмми, Джмми, Джмми, ача, ача, ача! Аджаре мери са, ке джаги джаги ра!...»

Под смех и аплодисменты подруг она выскочила за дверь.

Стук каблучков по ступенькам давно стих, а Лена всё ещё стояла у открытой двери.

– Ты чего там замерла? – Щербинина выглянула в коридор.

– Да я вот прикидываю, дома моя соседка или ещё на работе,– Лена принялась покусывать нижнюю губу, что замечалось за ней в минуты глубокой задумчивости.

– Стесняюсь спросить, а зачем нам твоя соседка?– Галина оперлась плечом на стену и не сводила глаз с подруги.

– Видишь ли, дорогая моя подруженька, Ира Смирнова, что за стенкой у меня обитает, работает в этом самом ресторане. И не так давно она хвасталась, что её назначили бригадиром звена. Возможно, это и есть тот самый шанс для нас побывать на поминальном обеде у Королевы Марго.

– То есть, ты предлагаешь нам бегать с подносами и всей этой публике прислуживать? Ещё чего! – Галина возмутилась не на шутку.

– У тебя есть другие предложения? И, кстати, вряд ли нас допустят до обслуживания гостей. Это уметь надо, а мы с тобой хоть и универсалы, мастера токарных наук, в этом деле не потянем. Да и навар с банкета из-за нас терять тоже никто не захочет. И вообще, не известно, будет ли бригада Ирки в субботу работать и согласится ли она на эту авантюру. А поговорить надо. Такую возможность упускать уж точно не стоит!

– Для дела я на всё согласна, но у меня принцип «клиент всегда прав» не сработает. Если какое-то хамло в мою сторону хотя бы косо посмотрит, я вылью ему за шиворот поминальный кисель!

– Договорились! – рассмеялась Лена.

Ирина Смирнова оказалась миловидной шустрой дамочкой лет тридцати «с хвостиком», с пышной, благодаря химической завивке, каштановой шевелюрой, пронзительными голубыми глазами и длинными ногами. На Галину, считавшую свой рост достаточно высоким, Ирка смотрела, наклонив голову, а про «мелкую» Борисову, «метр в прыжке», и говорить не приходилось.

Молодая женщина проживала в небольшой однокомнатной квартирке, которую ей выделили, как выпускнице детского дома. Видно было, что хозяйка очень ценит уют и чистоту – даже самый придирчивый глаз не обнаружил бы здесь ни пылинки. Она усадила гостей на диванчик-книжку, по всей видимости, служившей ей ещё и кроватью, и придвинула поближе низенький стеклянный столик на колёсиках.

– Сейчас я быстренько организую чай, и в процессе поговорим,– тряхнув пышной шевелюрой, Ира умчалась на кухню.

– Не суетись, Ириш, мы уже чаёвничали,– пыталась остановить её Лена, но безуспешно.

– А я нет,– донеслось из кухни сквозь звон посуды. – У нас в кулинарии сегодня такие пирожные шикарные получились – просто чудо! Обычно в конце смены не успеваю купить, всё расхватывают, а сегодня повезло. Я как раз думала, куда столько набрала, мне ж одной не осилить, а теперь мы справимся!

Ирина поставила на столик симпатичный чайный сервиз с васильками и вынесла большое блюдо с пирожными. У Лены загорелись глаза: здесь было всё, что она обожала – «Корзиночки» с воздушным кремом и повидлом, бисквиты в розочках и, конечно же, «Картошка». Такой «Картошки», как в кулинарии ресторана «Бель-Су» не делали больше нигде в городе. Вроде бы и технология одинакова для всех, а вот результат разный.

– Борисова, не упади в обморок от счастья,– поддела её Галина,– а то твоя соседка так и не узнает, зачем мы к ней притащились и не даём отдыхать после работы.

– Не переживай за меня, я справлюсь! – первая «Картошка» переключалась на блюдце Елены.

– Рассказывайте, что случилось и чем я могу помочь,– Ирина устроилась в кресле с деревянными ручками. От её смешливости не осталось и следа.

Гости переглянулись и начали подробный рассказ всего, что произошло за последние дни. Ира ни разу не перебила и не задала ни одного вопроса.

– Мы хотели у тебя узнать, не твоё ли звено будет обслуживать субботний поминальный обед? И второе. Не могла бы ты помочь нам попасть в помещение, где это будет происходить? – Лена внимательно следила за выражением лица собеседницы.

– Да, в субботу мы с девочками работаем. Я – метрдотель, и еще три официантки. Но девочки, извините, к столикам я вас допустить не могу. Наш директор тоже будет там присутствовать, а он персонал хорошо знает.

– Это мы понимаем, да и не получится у нас красиво и не коряво гостей обслуживать. А вот если бы на подхвате как-то, чтобы просто была возможность за людьми понаблюдать...

Ирина призадумалась на несколько секунд, потом подошла к окну, открыла форточку и взяла с подоконника пачку сигарет «Партагас». Щербинина под неодобрительным взглядом подруги составила женщине компанию.

– Ну, если вам не нужно истуканами стоять у стола, тогда, я думаю, вариант есть,– Ира помахала рукой, разгоняя клубы крепкого кубинского сигаретного дыма. – Должности басбоев на один вечер вас устроят?

– Кого? – чёрные, чётко очерченные брови Галины поползли вверх.

– Помощников официантов,– пояснила женщина. – То есть, на побегушках. Мы обычно для этой работы приглашаем девочек их нашей кулинарии, если они хотят подработать. Вот за компанию с ними и приходите. Оплата после смены.

– Оплата? Да мы как-то не претендуем, не для этого напрашиваемся,– начала было Лена.

– А что такого? – возразила Галя. – Мы же не на халяву придём, будем работать со всеми на равных. Тем более, в свой законный выходной и не известно до которого часу.

– Совершенно согласна,– поддержала Щербинину Ирина,– работа официанта не такая простая и лёгкая, как это может показаться, а зарплата – восемьдесят рублей. Поэтому, чтобы там ни писали в журнале «Крокодил», а чаевые брали, и будем брать, и «сливками»¹ приторговывать тоже.

– Хорошо, соглашаюсь с большинством,– Лена подняла руки вверх. – Ириш, в пятницу встретимся ещё раз, обговорим детали, чтобы мы не выглядели белыми воронами и не завалили всё дело. А то и тебе влетит, и нам не поздоровится.

Ирина кивнула и затянулась очередной ядрёной сигаретой.

¹ Алкоголь, который сливали из разных недопитых бокалов